

что некоторые изъ семьянистыхъ Карагашей улучаютъ возможность даже торговать сѣномъ, однакожь, вообще говоря, они запасаютъ его на зиму для себя только въ томъ количествѣ, какое нужно для откормленія части стадъ, сберегаемыхъ въ самыхъ селеніяхъ, потому что остальной скотъ «тебенѣетъ» и пасется на степи. На потраву зеленей, какъ извѣстно, пускаютъ сперва лошадей, а потомъ уже рогатый скотъ и барановъ: это отъ того, что лошадь легче разрываетъ снѣгъ и расчищаетъ корма; крупный рогатый скотъ только срываетъ верхушки растеній; а бараны, проходя уже разбитымъ путемъ и не подвергаясь, какъ слабосильное животное, этому легкому для лошадиныхъ копытъ труду, спокойно выѣдаютъ все былинки дочиства, безъ остатка.

Пища Кундровцевъ, какъ и самый образъ ихъ жизни, одинаковая со всеми другими кочевыми племенами — мясо и молоко. Изъ коровьяго молока они приготовляютъ масло, имѣющее одинаковое назначеніе съ бараньимъ жиромъ; квашеное коровье молоко разбавляютъ они водой и употребляютъ въ питье подъ именемъ «айрына.» Изъ овечьяго молока выдѣлываютъ они «крутъ», или комки кисловатаго сыра, служащаго имъ и вмѣсто пищи, и, въ иныхъ случаяхъ, на примѣръ въ дальнемъ пути по безводнымъ мѣстамъ, для утоленія жажды; изъ кобыльяго молока приготовляютъ «кумызъ», который бываетъ болѣе или менѣе

вкусенъ и ароматенъ, смотря по пахучести и сочности травъ, которыми скотъ кормится. Главную же пищу Кундровцевъ составляетъ сытный кирпичный чай. Бѣдные люди ѣдятъ преимущественно просяныя прѣсныя лепешки; зажиточные варятъ пловъ; богатые рѣжутъ бѣрановъ и покупаютъ, не изъ своихъ табуновъ, старыхъ, негодныхъ въ работу, но жирныхъ лошадей. Извѣстно, что кочевыя племена чистой воды никогда не пьютъ, хлѣба ѣдятъ мало и не употребляютъ никакого масла, кромѣ коровьяго.

Одежда Кундровцевъ почти такая же, какъ и у всѣхъ Татаръ; но въ иныхъ частяхъ она болѣе упрощена, въ иныхъ заимствована отъ прежнихъ горскихъ сосѣдей.

Мушны носятъ шальвары или нанковые, или китайчатые; сверхъ нихъ длинная бѣлая бумажная рубаха съ отложнымъ воротникомъ; зиму и лѣто носятъ портянки; сапоги изъ конской кожи безъ подошвъ, сверхъ нихъ галоши или толстые башмаки съ закаблучьями изъ шагреновой кожи ярко-бирюзоваго цвѣта.

Верхняя одежда состоитъ изъ бешмета, или коротенькаго полукафтання; на него надѣваютъ куртѣ, тотъ же почти бешметъ, только подлиннѣе перваго; за нимъ слѣдуетъ архалакъ или родъ узкаго и коротенькаго халата съ завязками и длинными отложными воротничками; а сверхъ его обыкновенно хивинскій полумшелковый халатъ, лѣтомъ на легкой

подкладкѣ, зимой на овчинномъ, а больше на лисьемъ мѣху, или по-крайней-мѣрѣ съ лисьей опушкой по краямъ рукавовъ и подола, хоть лисица въ Низовой-Сторонѣ и недорого и ловится улусниками въ замѣчательномъ количествѣ, но въ какомъ именно — совершенно неизвестно. Въмѣсто халата надѣваютъ и суконный чапанъ.

Каждая принадлежность верхняго платья, по принятымъ обычаямъ, должна имѣть особый отъ другихъ частей цвѣтъ: бешметъ, на-примѣръ, зеленовато-желтый, куртё — синій, архалакъ — зеленый, чапанъ — вишневаго цвѣта, и т. д.

Тюбетей у Кундровцевъ простые Татарскіе, пестрые и полушаріемъ. Лѣтняя шапка, заимствованная отъ горцевъ, имѣетъ очень широкую выпуклую обшивку изъ сѣрыхъ или черныхъ овчинъ, съ небольшимъ суконнымъ эллиптическимъ выпускомъ, который прошивается шелкомъ; нутро подкладывается простой овчинкой. Зимняя шапка, малахѣй, нѣсколько напоминающій своею формою зимнія шапки Петербургскихъ Финновъ; перёдъ, то есть надлобникъ и уши у него поднимаются и подвязываются къ суконной покрывкѣ малахая. Въ вѣтеръ и холодъ, малахѣй распушается, въ тепло — принимаетъ другую форму.

Карагаши не богаты нижнимъ платьемъ; обыкновенно у каждаго только пара рубахъ, а у бѣднаго — всего одна: онъ ее моетъ или су-

шить, а самъ сидитъ нагишомъ. Шитьемъ всѣхъ нарядовъ, какъ мужскихъ, такъ и женскихъ, и всѣхъ домашнихъ принадлежностей, занимаются однѣ женщины; покупаются только матеріалъ, а изъ готового платья — одни Хивинскіе халаты.

Женскій нарядъ почти такой же, какъ и у Юртовскихъ-Татарокъ.

Въ старыя годы всѣ женщины Кундровскія носили высокія шапки, обложенныя фольгой, и снаружи, сверхъ фольги, обшитыя серебрянными и даже золотыми монетами; около лба тоже нашивались мелкія монеты и въ нѣсколько рядовъ жемчугъ. Высокія шапки и нынче существуютъ, но на мѣсто прежнихъ монетъ вставлены оловянные и жестиныя кружки; изрѣдка двугривенники, а вмѣсто жемчуга нашиваются стеклянныя прѣнизки. Женскія шапки — родъ цилиндра, къ-верху немного суживающагося; сверхъ шапки накидывается широкая и длинная чадра.

Шапки дѣвокъ похожи на мужскія лѣтнія шапки, только поминіатюрнѣе ихъ; верхъ обшивается бархатомъ или шелковою матеріею, а околышъ — лисьимъ мѣхомъ. Изъ-подъ этихъ шапокъ дѣвушки выпускаютъ поверхъ бешмента косы, обременяемыя на концахъ серебрянными и мѣдными привѣсками. У женщинъ волосы подбираются подъ шапку.

Торжественные дни, празднуемые Татарами, суть: окончаніе уразы, обрѣзаніе малолѣтнихъ сыновей, свадьбы и похороны.

При сватовствѣ и у Кундровцевъ, какъ и у всѣхъ мухаммеданъ, главное вниманіе обращается на калымъ; бѣдный платитъ за невѣсту около пятидесяти рублей серебромъ, а богатый — вноситъ и тысячу цѣлковыхъ; даютъ и дороже и, вмѣсто наличныхъ денегъ, вмѣсто калыма гонятъ въ домъ невѣсты лошадей цѣлыми табунами, а барановъ — огромными стадами.

Калымъ вносится не весь разомъ, а частями; но, говорятъ, что стоитъ внести первую его часть, чтобъ имѣть всѣ права на невѣсту и посѣщать ее не въ урѣченное время, хотя посѣщенія эти и прикрываются кажущеюся таинственностію отъ родныхъ. Внесенный женихомъ калымъ невѣста приносить съ собою въ домъ молодаго мужа въ качествѣ приданого; на эти именно деньги, для будущаго хозяйства, пріобрѣтаются покупкою новая кибитка изъ бѣлыхъ кошмъ, пара или штуки три воловъ, изъ которыхъ каждый впрягается въ особую арбу съ приданнымъ скарбомъ, платьемъ, посудой и всѣми принадлежностями хозяйства.

Похороны совершаются съ одинаковыми обрядами, какъ и у всѣхъ мухаммеданъ: покойника обвертываютъ бѣлымъ бумажнымъ полотномъ и опускаютъ въ яму, съ боку которой, въ самомъ низу, подрываютъ особое отдѣленіе; нишъ эту, по вмѣщеніи туда трупа, закладываютъ жердочками, а самую яму зарываютъ и накрываютъ на нее невысокую кучку земли, въ срединѣ которой ставятъ или

коротенькую жердь или, впрочемъ рѣдко, маленькій деревянный столбикъ. Соединеніе такихъ могилъ и называется маза́рки. Могилу подрываютъ въ такомъ только случаѣ, когда грунтъ земли довольно твердъ, такъ что не рухнется на подрытую съ боку яму нишъ; если-же грунтъ песчаный, то этой ниши не дѣлаютъ.

Музыкальныя орудія Кундровскихъ-Татаръ не многочисленны: это — кобызъ и варганъ; кобызъ есть родъ скрипки, состоящій изъ выдолбленнаго деревяннаго полушарія, прикрѣпленнаго къ грифу; струны на немъ и смычокъ изъ конскихъ волосъ. Пѣсни тоже поютъ Кундровцы, по примѣру другихъ кочевниковъ, сами ихъ импровизируютъ, воспѣвая въ нихъ степь, коня и молодую Татарку или Калмычку.

Въ пляскѣ принимаютъ участіе и дѣвцы, и молодые парни, но не вмѣстѣ, а порознь. Пляску Кундровцевъ нельзя назвать граціозною и увлекательною: танцовщица, на примѣръ, потупивъ глаза въ землю, стоитъ на одномъ мѣстѣ, потопываетъ ножками, поводитъ на стороны головкой и выдѣлываетъ руками движенія, которыхъ тайнаго смысла рѣшительно нѣтъ. возможности доискаться; характеръ этихъ тѣлодвиженій есть, кажется, извращенность того, что въ Русской пляскѣ носитъ характеръ приманиванья. Мужская пляска состоитъ въ тяжелыхъ скачкахъ, въ необходимомъ притомъ вскидываніи руками, въ отдуваніи щекъ, въ прикрываніи и въ

выбалтываніи языкомъ довольно неприятныхъ звуковъ.

При всей простотѣ нравовъ и невзыскательности касательно житейскихъ удобствъ, жизнь кочевника, даже въ глуши Низовыхъ-Степей обходится не дешево: семьѣ, состоящей изъ мужа и жены, старика-отца или старухи - матери и изъ двоихъ дѣтей сына или дочери, безъ пяти сотъ рублей ассигнаціями цѣлаго года просуществовать невозможно, и то не богато, а безнужно.

Возьмемъ для примѣра такую семью съ двумя душами мужескаго пола и средняго, даже ниже средняго, достатка. Вотъ что на годъ времени нужно имъ израсходовать:

А. Казенный сборъ:

	руб.	коп.	сер.
подушныя подати, по 1 р. 43 к. съ души.	2	86	
въ капиталъ продовольствія, по 5 к. сер.			40
общіе земскіе сборы, по 95 к. сер.	1	90	
общественный сборъ на управленіе, по 66½ к. сер.	1	32½	
итого	6	18½	

Б. Мірской сборъ:

на наемъ подводъ.

— наемъ лодокъ.

— пожарные случаи.

сотскимъ на жалованье,
десятскимъ на жало-
ванье.

на наемъ лѣсныхъ сто-
рожей.

— постройку домовъ
для лѣсной стражи.

Все это, вмѣстѣ съ
непредвидимыми рас-
ходами, обойдется око-
ло 1 рубля сереб-
ромъ на душу, а все-
го 2 р.

**В. Домашнія издержки, рассчитывая въ
обртѣзъ:**

	серебромъ.
муки, кулей шесть или семь	20 р.
соли пуда два	— 80
чаю двадцать кирпичей	20 —
на пищу полдюжины барановъ, которые при- несли бы чистаго дохода	12 —
десятокъ кургашковъ на угощеніе	10 —
сапоговъ по двѣ пары на челоуѣка	7 — 15 —
рубахи, каждому по парѣ на годъ	8 р.
шальваръ, по тому же расчету	6 —
бешметы, на два года каждый	5 —
архалаки тоже	5 —
халаты, одинъ на три года	5 —
чапаны, каждый на пять лѣтъ	10 —
шубы безъ покрывки, каждая на семь лѣтъ	5 —
на необходимыя прихоти	6 —
— непредвидимые расходы по хозяйству	7 —
итого	126 р. 95 к.

А всего, по самому строгому и слишкомъ
сжатому расчету. 135 — 13½ —

Кундровцы занимаются исключительно
скотоводствомъ, разводя въ своихъ стадахъ
верблюдовъ, лошадей, рогатый скотъ, круп-
ный и мелкій, козъ и барановъ, которые здѣсь
общей степной породы, то-есть съ курдю-
ками.

Два раза въ годъ Кундровцы сами го-
няють скотъ свой на продажу; одинъ разъ
продаютъ его на Калмыцкомъ-Базарѣ: такъ
называется одно мѣстечко, родъ селенія по-
близости Астрахани, а въ другой разъ — на
ярманкѣ въ Ханской-Ставкѣ, какъ называет-

ся большое селеніе въ центрѣ Нарынъ-Песковъ, во Внутренней Киргизской-Ордѣ. Сверхъ-того, ежегодно въ сентябрѣ, въ селенія Кундровцевъ прїѣзжаютъ прасолы изъ Муромъ и покупаютъ здѣсь быковъ, которыхъ они нагуливаютъ, нажировываютъ, отпасываютъ, то-есть откармливаютъ здѣсь же въ степи, на земляхъ самихъ Кундровцевъ, а весной, въ началѣ апрѣля, скотъ этотъ гонять и отправляютъ въ Москву.

Продажная цѣна скота на ярманкахъ бываетъ такая:

Кургашекъ, то-есть молоденькій барашекъ—1 р. сер., двухгодовалый баранъ, *тох-ло* — 1½ и 2 р. сер., старый баранъ до 3 р. сер., лошадь отъ 15 до 30 р. сер.; въ 40 р. сер. лошадь уже исключеніе; лучшая корова 15 р. сер.; лучший быкъ 25 р. сер.; коза отъ 85 к. до 1½ р. сер. не выше; верблюды продаются рѣдко и не дороже 25 р. сер.

Такимъ образомъ выходитъ, что, для выручки 135 р. сер., Карагашъ долженъ продать одного верблюда, двухъ лошадей, быка съ двумя коровами, пять козъ и пять барановъ. У кого нѣтъ верблюда, тотъ замѣнитъ его конемъ; кому жаль быка, тотъ пуститъ въ торгъ остальныхъ барановъ, а у кого нѣтъ ни козы, ни барана — тотъ идетъ въ заробѣтки, на рыболовные ватаги и промыслъ.

Карагаши, какъ уже замѣчено, живутъ по Ахтубѣ и по Берекету. Эта послѣдняя рѣчка, протекающая на пространствѣ всего

какихъ-нибудь двѣнадцати верстѣ, только одна и составляетъ собственность общества Кундровскихъ-Татаръ. Когда настанетъ половодье, Берекетъ зальетъ берега и образуетъ лужи и озерки, то эти-то лужи, озерки, вмѣстѣ съ русломъ самой рѣки, составляютъ мірскую оборочную статью и отдаются на откупъ постороннимъ лицамъ, которыя за право рыболовья въ нихъ платятъ ежегодно 410 р. сер.; одна половина этихъ денегъ поступаетъ въ общество на мірскіе расходы, а другая причисляется къ мірскому капиталу.

На Ахтубѣ, гдѣ стоитъ селеніе Хождетаевка, Кундровцы права ловли не имѣютъ и потому отправляются въ чернорабочіе или къ Берекетскому откупщику, или въ казачьи участки, или къ владѣльцамъ морскихъ водъ: Безбородкѣ и Юсупову. Полагаютъ, что на морское рыболовство ходитъ до трехъ-сотъ человѣкъ Кундровскихъ-Татаръ, но на рѣчное — до тысячи человѣкъ.

Господствующая болѣзнь у Кундровскихъ-Татаръ — чахотка; она не производитъ опустошеній: Карагаши охотно прививаютъ ее дѣтямъ, прибѣгая за этимъ къ помощи степныхъ Калмыцкихъ врачей изъ сословія ихъ жрецовъ. О сифилитической болѣзни между Кундровцами не слыхать.

Грамотность незначительна: мужчинъ, вмѣстѣ съ муллами, не наберется грамотныхъ больше полутора или много-много двухъ

сотъ, а грамотной женщины нѣтъ ни одной. Учатся только Татарской грамотѣ.

Племена, пребывающія въ первобытныхъ формахъ патріархальнаго управленія, обыкновенно славятся гостепріимствомъ. Кундровскіе-Татары тоже гостепріимны. Добродѣтель эта выражается у нихъ тѣмъ, что вошедшаго въ кибитку гостя, хозяинъ непременно приглашаетъ сѣсть и напоить его или накормить. Если гость бѣденъ—ему дадутъ чашку айрына; если онъ близкій знакомецъ — нальютъ кирпичнаго чая, а если онъ и не коротко знакомъ, но человекъ или богатый, или пужный, на-примѣръ чиновникъ своего вѣдомства—для него непременно зарѣжутъ кургашка.

У Татарина мало снисходительности къ бѣдному и данный въ займы пятакъ скоро возвращается въ кошель богатаго гривной.

Молодежь Кундровцевъ не тверда въ вѣрѣ Магомета: рѣдко ходятъ они въ мечеть и не хлопчутъ о соблюденіи предписанной Кораномъ чистоты тѣлесной; они даже пятаго намаза не исполняютъ. Къ мулламъ своимъ, которыхъ всего шестнадцать, въ каждомъ селеніи по восьми, Кундровцы мало имѣютъ уваженія; полагаютъ, что еслибъ само начальство не назначало къ нимъ мулла, то Кундровцы и позабыли бы объ нихъ.

Въ старые годы существовали у нихъ обычаи, которые все больше и больше предаются у народа забвенію. Прежде, на-примѣръ, за прелюбодѣяніе съ замужнею жен-

щиной, особенно если преступленіе было совершено съ насиліемъ, виноватаго закапывали въ землю и закидывали камнями. Правда, это водилось въ очень-старыя времена; но нынче выводится и то, что было на недавней памяти. Такъ, на-примѣръ, за ложь, за обманъ, за непочтеніе къ старикамъ, за неповиновеніе родительской власти, за мелкое плутовство и за неважные проступки, родовичи, или члены одной и той-же вѣтви рода, а иногда и просто сами аксакалы, наказывали виноватаго, смотря по мѣрѣ его вины, розгами, плетью и погайками. За воровство скота у правотѣрнаго, или за похищеніе чужой собственности у кого-бы-то ни было изъ дому, вора, по приговору міра, разбиравашаго и судившаго дѣло на основаніи представленныхъ ему уликъ и доказательствъ, сажали на черную корову, лицомъ къ хвосту, навѣшивали ему на шею чугунный таганъ и, въ такомъ видѣ, возили по улицамъ деревни, или около кибитокъ.

Но по мѣрѣ того, какъ народъ сталъ болѣе и болѣе развиваться, прежняя система патріархальнаго судопроизводства начала клониться къ упадку и, наконецъ, признана несоотвѣтственною настоящимъ обстоятельствамъ. Теперь всѣхъ, безъ различія въ племени, виноватыхъ въ проступкахъ и преступленіяхъ вѣрно отдавать подъ форменный судъ, съ соблюденіемъ всѣхъ правилъ гражданского и уголовного дѣлопроизводства.

Чтожь касается до гражданскихъ исковъ, то обоюдные споры по имуществу кончаются домашнимъ образомъ, или личными мировыми сдѣлками, или частнымъ разборомъ муллъ по Шаріату, или на основаніи извѣстныхъ положеній Корана. Истецъ и отвѣтчикъ стараются все повершить домашнею присягой. При лживости присяги, напрасно проигравшій дѣло рассчитываетъ на угрызеніе совѣсти клятвопреступника.

Кундровскіе - Татары не много сохранили преданій касательно тѣхъ мѣстъ, которыя они теперь занимають.

Выше Сейтовки, верстъ на десять, есть урочище съ тремя курганами. Урочище это называется Акъ-Месджидъ, «Бѣлая-Мечеть». Народъ рассказываетъ, что здѣсь стояла каменная выбѣленная мечеть, въ которой молились всѣ знаменитые завоеватели — Чингисъ, Джанибекъ, Мамай.

Между Сейтовкою и Бѣлою-Мечетью есть по Ахтубѣ бродъ, называемый Ханскій-Бродъ: здѣсь, какъ говорятъ Татары, полчища этихъ завоевателей переходили черезъ рѣку. Мѣсто это и понынѣ считается самымъ выгоднымъ бродомъ для прогона скота съ одного берега рѣки на другой.

Знаменитыя развалины Сарая, близъ города Царева, тамошніе Русскіе крестьяне зовутъ Мамаевой-Землянкой. Кундровцы тоже переняли это прозвище.

VI.

ТАТАРЫ БУХАРСКАГО, ГИЛЯНСКАГО И АГРЖАНСКАГО ДВОРОВЪ.

Общество Татаръ Бухарскаго, Гилянскаго и Агржанскаго Дворовъ представляетъ смѣсь разнородныхъ племенъ, любопытную не столько по настоящему своему образу жизни, сколько по своему историческому происхожденію. Опираясь на преданія, передаваемыя о себѣ Татарами и свѣряя ихъ, сколько это возможно, съ дошедшими до насъ несомнѣнными историческими актами, мы придемъ къ нижеслѣдующему.

Съ увеличеніемъ населенія присоединенной къ Россіи Астрахани, съ расширеніемъ

сферы дѣятельности этого населенія, и съ распространеніемъ объема нуждъ обитателей Низовой-Стороны, явилась необходимость въ торговлѣ въ тѣсномъ значеніи этого слова, необходимость въ товарахъ, необходимость въ капиталахъ.

Москва, утвердивъ свое вліяніе на устьяхъ Волги, а въ-слѣдъ за-тѣмъ приобрѣтя опорные пункты на сѣверо-западномъ и западномъ прибрежьи Каспія, гдѣ еще при Царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ предприняты были разныя гидротехническія сооруженія, имѣла настоятельную надобность содержать, и тутъ и тамъ, небольшіе отряды войска и, силою оружія, держать въ покорности окрестные народы.

Излишне было бы входить здѣсь въ подробное разсмотрѣніе этого предмета: достаточно напомнить о сношеніяхъ съ Крымцами, Ногаями и съ Шафкальскимъ владѣльцемъ, какъ у насъ Русскій народъ еще и понынѣ именуется бывшихъ Шамхаловъ Тарковскихъ.

Сухопутная перевозка разныхъ товаровъ въ Астрахань и на западное побережье Каспія была и затруднительна, и опасна; «польской стороной», «полемъ», то-есть степью, караваны не отправлялись, кромѣ очень рѣдкихъ случаевъ: слѣдовательно, все необходимое для Низовой-Стороны отсылалось туда изъ Россіи Волгой на судахъ.

Перевозка провіанта, рыбная промышленность на рѣкѣ и въ морѣ, торги съ соседственными племенами должны были развить

внутреннюю торговлю, положить основаніе торговлѣ заграничной и привлечь въ Астрахань иноземныхъ купцовъ странъ Восточныхъ.

Дѣйствительно, уже въ началѣ XVII столѣтія, даже во времена еще Бориса Годунова, мы видимъ въ Астрахани торговыхъ людей разныхъ націй и отправленіе Русскихъ судовъ на Мангышлакъ, къ Тюпъ-Караганской пристани, гдѣ теперь находится Ново-Петровское Укрѣпленіе на полуостровѣ, нынѣ называемомъ и «Мангышлакомъ», тогда какъ прежде это названіе придавалось извѣстной только его части, и «Бузачи», вѣроятно отъ того, что въ прежнія времена здѣсь были постоянныя кочевья Туркменовъ племени Бозаджі; собственное-же названіе всего западнаго побережья, начиная отъ устьевъ Урала, и названіе степи, къ побережью этому прилегающей, и у Киргизовъ и у Туркменовъ есть одно—Атрау.

Иноземные купцы—Бухарскіе, Хивинскіе и Персидскіе, сами стали появляться въ Астрахани и останавливались въ караванъ-сараяхъ, но торговлю вели на «базарѣ». Къ намъ въ Астрахань не допускались только «Тезики, Турскіе люди, торговые люди Турскаго Салтана», всѣ же другіе «Тезики, торговые люди, Бухарцы, Юргенцы (изъ Ургенца, Ховарезма или Хивы), также изъ Шемахи, Баки, Дербени и иныхъ Шаховыхъ городовъ» — имѣли право свободного туда пріѣзда.

При Царѣ Михаилѣ Теодоровичѣ мы видимъ въ Астрахани «два Тезичи двора: Бухарскій

и Гилянскій». Но что дворы эти были или караванъ-сарай, или слободы, а не гостинные-дворы, то на это указываютъ подлинныя слова одного документа, въ которомъ сказано: «Тезиковъ, которые учнутъ прѣзжать въ Астрахань со всякими товары, ставити на Гилянскомъ и на Бухарскомъ-Дворѣ, а торговати имъ велѣти съ Русскими людьми и съ Юртовскими-Татарами на Татарскомъ-Базарѣ, противъ прежняго обычая».

Иноземныхъ купцовъ изъ Бухары и изъ Гиляни явилось въ Астрахани столько, что открылась необходимость сдѣлать имъ поголовную перепись и отдѣлить временно-набъзжихъ Тезиковъ отъ живущихъ въ Астрахани безъ сѣзду; скопленіе это подало Правительству мысль образовать оріенталистовъ въ Астрахани, изъ природныхъ Русскихъ, «которымъ бы однолично выучиться грамотѣ и языкамъ Татарскому, Арабскому и Фарсовскому», или языку которымъ говорятъ Персіяне и часть Бухарцевъ (потому, что другая часть Бухарцевъ говоритъ нарѣчіемъ Тюркескаго языка).

Въ грамотахъ, относящихся ко временамъ Царя Алексѣя Михайловича, упоминается уже о торгующихъ въ Астрахани Индѣйцахъ.

Гмелинъ рассказываетъ, что въ его время однимъ изъ предмѣстій Астрахани (въ длину около полуверсты, а въ ширину 50—60 сажень) были три слободки, называемыя «Дворами»: одна слободка называлась Бухарскій-Дворъ, другая — Гилянскій-Дворъ, а третья — Агржан-

скій-Дворъ. «Агржанъ» (Agrischan), говоритъ Гмелинъ, есть слово Татарское и выражаетъ собою идею «отродья», «выродка» (ein Bastard). Поселившіеся въ Астрахани Индѣйцы пережились на мѣстныхъ Татарскихъ женщинахъ, прижили съ ними дѣтей и потомство это такъ размножилось, что населило собою цѣлую слободку. Такъ какъ эта помѣсь Индѣйцевъ съ Татарками произвела новое отродье Татаръ, Агржанъ, то и слободка, ими заселенная, названа Агржанскимъ-Дворомъ. Нынѣ Дворовъ этихъ, какъ отдѣльныхъ кварталовъ, не существуетъ и они слились вмѣстѣ съ другими въ такъ вообще-называемой Татарской-Слободѣ, сопредѣльной слободѣ Армянской. Въ городѣ Астрахани существуютъ два каменные корпуса, изъ которыхъ одинъ называется Персидскимъ-Дворомъ, а другой Индѣйскимъ-Дворомъ; но между этими Дворами и тѣми, о которыхъ мы начали рѣчь, общаго ничего нѣтъ: они выстроены въ позднѣйшее время для пріѣзжихъ купцовъ.

Бухарцы и наши Татары суть мухаммедане Суннитскаго толка (Сюнни); Гилянцы, обитатели провинціи Гилянъ, были, какъ и теперь всѣ Персіане, Шіитскаго толка; Индѣйцы были огнепоклонники. Нынѣ всякая тѣнь прежнихъ религіозныхъ отличій исчезла: и вѣра, и языкъ, и нравы, и обычаи у Татаръ этихъ трехъ Дворовъ рѣшительно тѣже самые, какъ и у всѣхъ вообще по городамъ живущихъ Татаръ Юртовскихъ, Казанскихъ,

или Касимовскихъ. Въ-слѣдствіе этой-то одинаковости и тождественности обычаевъ, одежды и образа жизни этого общества, мы и ограничиваемъ настоящую бесѣду краткими свѣдѣніями.

До 1836 года общество Татаръ Бухарскаго, Гилянскаго и Агржанскаго Дворовъ представляло отдѣльное привилегированное сословіе, пользовавшееся правомъ свободной торговли, безъ всякаго взноса гильдейскихъ пошлинъ и участвовавшее въ однихъ только земскихъ и городскихъ повинностяхъ.

Съ 1836 года Татары этого общества, впредь до совершеннаго уравниенія ихъ съ коренными Русскими во всѣхъ податяхъ и повинностяхъ, обложены особымъ сборомъ въ 5 руб. асс. съ души и рекрутчиной; мелочной торгъ разными товарами дозволенъ имъ на общихъ со всѣми мѣщанами основаніяхъ, а болѣе обширная торговля разрѣшена не иначе, какъ подъ условіемъ записки въ гильдію.

Численность Татаръ этого общества въ разные періоды была такова:

По Гмелину:

	душъ.
Бухарскаго-Двора	374
Гилянскаго —	178
Агржанскаго —	105
	всего 657

По VII ревизіи:

Бухарскаго-Двора	393
Гилянскаго —	137
Агржанскаго —	117
	всего 647

По VIII ревизіи:

Бухарскаго-Двора	454
Гилянскаго —	423
Агржанскаго —	440
всего	687

По IX ревизіи:

Бухарскаго-Двора	392
Гилянскаго --	424
Агржанскаго —	407
всего	623

Цифра эта, столь рѣзко свидѣтельствующая о плохомъ увеличеніи народонаселенія, объясняется очень просто: не вымираніемъ племени, а переходомъ зажиточныхъ Татаръ въ купеческое сословіе и выбытіемъ ихъ изъ общественныхъ списковъ, единственно по одной этой причинѣ.

Изъ числа приведенныхъ выше 392 душъ, только 313 мужескаго пола живутъ въ Астрахани домами: остальные — Татары, собственно одного только Бухарскаго-Двора, въ числѣ 25 кибитокъ, то-есть 25 семействъ, или 79 душъ мужескаго пола ведутъ жизнь кочевую и кочуютъ нераздѣльно съ указанными уже прежде сего ста кибитками, или 688 душъ мужескаго пола Юртовскихъ-Татаръ, въ сосѣдствѣ станцій Алабужской и Тернекъ.

Образъ жизни этихъ кочевыхъ отдѣловъ совершенно сходенъ съ образомъ жизни всѣхъ кочевыхъ племенъ.

Наряды у нихъ тѣ-же, что и у Юртовцевъ, а что касается до поличья, то отъ разнороднаго смѣшенія мушницъ, и съ Татарками, и съ Калмычками, лица ихъ не имѣютъ никакого опредѣленнаго характера; нельзя однакожь не прибавить, что гораздо больше можно встрѣтить калмыковатости, чѣмъ чистаго Татарскаго обличія.

АСТРАХАНСКІЕ-КАРАКАЛПАКИ.

Въ Низовой-Сторонѣ, на земляхъ, примы-
кающихъ къ городу Черному-Яру, существу-
етъ небольшое общество Мухаммеданъ, име-
нующихъ себя Каракалпаками.

Кара-Калпаки, слово въ слово «Черные-
Колпаки» — можетъ быть, потомки того народа,
который въ лѣтописяхъ нашихъ называется
«Черными - Клобуками» — составляютъ въ на-
стоящее время племя, кочующее по высотамъ
Устюрта, а также по юго-восточному и по
юго-западному побережьямъ Аральскаго-Мо-
ря. Каракалпаки говорятъ тѣмъ же нарѣчіемъ

Тюркского языка, которымъ говорятъ наши Киргизы западной части Степи Оренбургскаго Вѣдомства и Хивинцы. Лица у нихъ, какъ и у Хивинцевъ — правильныхъ очертаній; кожа очень смуглая; нарядъ и образъ жизни такой же, какъ и у Киргизовъ, отъ которыхъ, въ этомъ отношеніи, они разнятся одними только шапками. Шапки эти у Каракалпаковъ точно такія же, какъ и у Хивинцевъ — высокія, изъ черныхъ мерлушекъ, цилиндрическія, къверху нѣсколько расширяющіяся, съ чернымъ, а иногда и съ краснымъ суконнымъ выпускомъ.

Племя это имѣло когда-то собственныхъ своихъ хановъ; въ прошломъ столѣтіи, оно признало власть Россіи, которая одна предоставила себѣ право назначать и утверждать избранныхъ ими себѣ предводителей. Но съ теченіемъ времени измѣнялись обстоятельства, и у Каракалпаковъ хановъ нынѣ не существуетъ.

Все, что доселѣ говорили объ этомъ племени, относится только къ Каракалпакамъ дальнихъ степей, а не къ тѣмъ, которыхъ находимъ мы въ Приволжьѣ.

Здѣсь, въ Приволжьѣ, Каракалпаки появились около 1817 года, а существованіе и пребываніе ихъ сдѣлалось гласнымъ всѣмъ съ 1827 года, когда «нѣкто, именуемый Киргиздемъ, по имени Мухаммедъ Бектемировъ, отъ имени четырехъ семей, состоявшихъ изъ шестидесяти одной души, просилъ о записаніи ихъ въ Кундровскіе-Татары».

О происхожденіи этихъ Каракалпаковъ мнѣнія были разныя, потому-что объясненія самихъ Каракалпаковъ разнствовали одно съ другимъ. Одни называли себя выходцами изъ Бухаріи: этому не вѣрили потому, что въ нихъ не было ничего Бухарскаго; другіе именовали себя Киргизами Каракалпакова рода: этому не вѣрили потому, что между различными отраслями или родами Киргизовъ нѣтъ ни одного, который бы усвоивалъ себѣ это названіе.

Есть еще два показанія, по-видимому, весьма много между собою разногласящія, но въ существѣ своемъ чрезвычайно какъ точно между собой сходствующія.

Въ одномъ изъ нихъ нѣкоторые Каракалпаки говорили:

«Мы Каракалпаки; жили мы въ Бухарской-Степѣ, кочевали съ Карсаками, съ Китайскими, и стали сами Карсаками Каракалпацкаго рода; потомъ пришли въ Меньшую-Орду къ Джангеру, въ Нарынъ, платили ему закятъ, а теперь не хотимъ; мы не его ясырь; хотимъ просить землю, у Царя жить».

Это свѣдѣніе, написанное со словъ Каракалпаковъ, какъ видно, кореннымъ Русскимъ и добытое нами изъ старыхъ частныхъ бумагъ частнаго же человѣка, требуетъ необходимаго поясненія словъ: «Бухарская-Степь», «Карсаки», «Китайскіе», «Меньшая-Орда», «Нарынъ», «закятъ», и «ясырь».

Рѣка Уралъ раздѣляетъ орошаемую имъ часть Оренбургскаго - Края на-двое: правый берегъ, прилежащій къ землѣ Уральскаго-Казачьяго-Войска и именующійся «Самарскою-Стороною», и лѣвый берегъ, составляющій окрестности такъ-называемой Киргизской-Степи и именующійся у Уральцевъ «Бухарскою-Степью». Названія эти въ Астрахани неизвѣстны, и потому очень понятно, что Бухарская-Степь превратилась въ Бухарию.

Карсаками, въ Низовой-Сторонѣ, называютъ Киргизовъ, Кайсаковъ или, какъ Киргизы сами себя называютъ, «Казакъ». Слово Карсакъ незнакомо въ Оренбургскомъ-Краѣ.

Китайскіе, то-есть Карсаки-Китайскіе, означаетъ Киргизовъ изъ рода Кити, бывшей Малой или Зауральской-Орды; родъ Кити или Кита обыкновенно именуется Китинскимъ, рѣдко Китайскимъ, и то по незнанію.

Меньшая-Орда здѣсь неправильно названа такъ, вмѣсто «Внутренняя-Орда», которою управлялъ послѣдній жалованный ея ханъ Джангеръ; иногда эта же самая Внутренняя-Орда, кочующая по-сю-сторону Урала ближе къ Ахтубѣ, называется, тоже неправильно, «Среднею-Ордою», потому-что она находится середѣ степи между Волгой и Ураломъ и отовсюду окружена Русскими.

Нарынъ — есть именно то, что на нѣкоторыхъ картахъ новѣйшаго времени называется Рынь-Пески и что доселѣ въ народѣ и встарину всегда въ официальныхъ документахъ

называлось «Пески Нарынъ или Нарымъ»: здѣсь была главная лѣтняя ставка хана Джангера; потомъ, въ 1826 году, ханъ Джангеръ выстроилъ здѣсь первую избу, а потомъ и нѣсколько домовъ; мѣсто это сдѣлалось постоянною его ставкою, лѣтнею и зимнею. Татары называли ее Ханъ-Калъ и Джангеръ-Калъ, Русскіе — Ханскою-Ставкой. Примуру Джангера послѣдовали другіе; здѣсь начали строиться Русскіе торговцы, Армяне, Татары, Уральскіе-Казакі, даже сами Киргизы, и ставка превратилась въ маленький городокъ: нынѣ это поселеніе называется «селеніе Ставка» или «селеніе Ханская-Ставка».

Закятъ — есть посемейная подать съ имущества, деньгами или скотомъ, которою покойный Джангеръ облагалъ ввѣренный его управленію народъ.

Ясырь имѣетъ значеніе, близкое къ значенію раба, плѣнника, побѣжденнаго или купленнаго челоуѣка къ его владѣтелю.

Сообразивъ, послѣ такихъ объясненій, подлинный смыслъ приведеннаго выше показанія, мы найдемъ, что оно совершенно равносильно слѣдующему передѣланному на Русскій ладъ разсказу другихъ Каракалпаковъ:

«Предки наши были Каракалпаки. Въ очень давнее время, дѣды наши, всего два семейства, отдѣлились отъ своихъ сородичей и пристали къ Киргизамъ, именно къ Китинскому ихъ роду. Поколѣніе нашихъ предковъ разрослось и отъ постоянного сожителства съ Киргизами —

окиргизилось. Но войти въ составъ Китинцевъ, сродниться съ ними кровными узами, мы не успѣли; а такъ какъ мы долгое время съ ними кочевали, то и сами сдѣлались Киргизами Каракалпацкаго отродья, или Каракалпацкаго рода. Когда въ тысяча осьми-сотомъ году Царь далъ милость Киргизамъ и, допустивъ ихъ за Уралъ къ Ахтубѣ, образовалъ новую, Внутреннюю-Орду, по имени даннаго ей тогда въ ханы, Султана Букея, названную Букеевскою, то и мы, отродье Каракалпаковъ, пришли тоже въ Нарынъ-Пески. Но Букей и сынъ его Джангеръ поступали съ нами, какъ съ *ясырями* и брали большой *закятъ*; отъ этого, а еще больше отъ надежей скота, мы обѣдились; притомъ еще и Джангеръ, раздавъ хорошую землю своимъ близкимъ пріятелямъ да султанамъ, намъ отвелъ самыя тощія кочевки. Сосѣди наши были Кундровскіе-Татары, около ихъ были наши зимовки; мы видѣли, какъ имъ хорошо жить: Русскіе ихъ не обижали и поступали ровню; Татары живутъ безъ нужды и въ довольствѣ. Мы подумали, потолковали промежь себя и рѣшили бросить Джангера и просить себѣ Царской земли для кочевья: будемъ платить подати, нести службу и жить какъ всѣ Русскіе подданные.»

Нѣкоторые не вѣрятъ этому объясненію, полагая, что наши Каракалпаки сплели эту исторію для сокрытія того, что они были бѣглые Татары, и что между Киргизами никогда не могло образоваться рода Каракалпацка-

го. Но въ опроверженіе этого послѣдняго возраженія, такъ какъ противъ перваго, по голо-
словности его, и возражать нечего, мы ука-
жемъ только на то, что султаны, а послѣ ха-
ны Букей и Джангеръ и ихъ предки, по раз-
сказамъ, принимали къ себѣ всѣхъ, кто укры-
вался къ нимъ по какимъ-бы то ни было при-
чинамъ, и что на это ясно указываютъ:

1. Отрасль Ямгурчи рода Берчь — напо-
минающая Юртовскихъ-Татаръ;

2. Отрасль Кулакъ-Урусь
рода Адап, {напоминающая

3. Отрасль Ульджа-Урусь {Русскихъ,
рода Байбакты, {Урусь.

4. Отрасль Истекъ или Иштакъ рода
Кити — напоминающая сѣверныхъ Башкирцевъ;

5. Отрасль Казанкулакъ рода Ногай —
напоминающая Казанскихъ-Татаръ;

6. Отрасль Абдалъ рода Тазъ — напо-
минающая Туркменовъ;

Наконецъ цѣлый родъ Ногай — напоминающая
собою разныя Ногайскія отрасли Низовой-Сто-
роны.

Когда о намѣреніяхъ Каракалпаковъ за-
явлено было мѣстнымъ Татарскимъ обще-
ствамъ, то Кундровскіе-Татары отказались
принять ихъ къ себѣ, по невѣдѣнію ихъ нрав-
ственныхъ достоинствъ.

Въ 1830 году, Едисанскіе и Джембулук-
скіе-Ногайцы, кочующіе въ близости пред-

горій Кавказа, согласились-было принять Каракалпаковъ къ себѣ на кочевки; но Каракалпаки отозвались, что теперь имъ кочевать нельзя, потому — что нѣтъ ни лошадей, ни барановъ; а такъ какъ по симъ уваженіямъ имъ осталось только приняться за земледѣліе, то они и начали ходатайствовать объ обращеніи ихъ въ крестьянское сословіе.

Въ 1847 году, Каракалпаковъ считалось, по точнымъ свѣдѣніямъ — 67 душъ мужескаго и 66 душъ женскаго пола; засѣяно у нихъ было полей хлѣбомъ — $116\frac{1}{2}$ десятинъ, да подъ бакчами — $25\frac{1}{2}$ десятинъ.

Въ 1851 году, Каракалпаки кочевали и на Калмыцкихъ земляхъ около Чернаго-Яра и на земляхъ Кундровскихъ-Татаръ, изъ небольшой платы за право кочевать на чужой землѣ; нѣкоторые жили по деревнямъ и занимали поля подъ разные посѣвы.

Поземельной дачи у Каракалпаковъ нѣтъ; податей они не платятъ и повинностей не отбываютъ никакихъ.

По наружному виду ихъ нельзя ничѣмъ отличить отъ Казанскихъ-Татаръ, съ давнихъ временъ поселившихся очень немногими деревнями въ Низовой-Сторонѣ, начиная отъ Са-репты, пониже которой есть село Чапурники, гдѣ цѣлая половина населенія состоитъ изъ Казанскихъ-Татаръ, и до самыхъ Мочаговъ, гдѣ ими заселено селеніе Зинзили.

Такъ какъ Казанскіе-Татары никакихъ особенностей не представляютъ, а новыхъ сторонъ въ образѣ ихъ быта намъ подмѣтить не удалось, то и распространяться о нихъ, также какъ и длить разсказъ о Каракалпакахъ, мы не имѣемъ основанія.

III

ТУРКМЕНИ

VIII.

ТУРКМЕНЫ.

По всей Низовой-Сторонѣ и сѣверо-западному побережью Каспійскаго-Моря и далѣе на западъ оттуда, разбросаны кочевья Туркменовъ. По разсказамъ ихъ самихъ, численность ихъ достигаетъ до двухъ тысячъ кибитокъ или семействъ, изъ которыхъ полторы тысячи кибитокъ составляютъ численность старыхъ переселенцевъ, или такъ-называемыхъ «Туркменовъ Кавказскаго Вѣдомства», а пятьсотъ кибитокъ принадлежатъ новымъ поселенцамъ — «Туркменамъ Астраханскаго Вѣдомства», въ официальныхъ бумагахъ именуемымъ

«Мангышлацкими - Туркменами», по мѣсту прежняго ихъ пребыванія.

Прежде, чѣмъ мы приступимъ къ передачѣ краткихъ частныхъ своихъ наблюденій объ этомъ племени, мы постараемся словами самихъ Туркменъ передать собственный ихъ взглядъ на свое происхожденіе и на отношенія кровнаго родства, долженствующія существовать между этими Русскими Туркменами и соплеменными имъ родичами восточнаго и юго-восточнаго побережій Каспія. Намъ лично удалось бесѣдовать съ Туркменами: въ 1851 году, въ Астрахани — съ Кавказскими и Мангышлацкими, и въ 1850 году, въ Оренбургѣ — съ подвластными Хивѣ, появившимися здѣсь въ качествѣ вощиковъ Хивинскаго каравана на Оренбургскую-Линію. Если свести всѣ ихъ рассказы вмѣстѣ, то получится слѣдующее повѣствованіе, не совсѣмъ сходствующее съ свѣдѣніями, переданными гг. Бларамбергомъ и Барономъ Боде, и бывшими у насъ въ виду при распросахъ Туркменовъ.

Туркмены или, какъ ихъ у насъ зовутъ, Трухмяне, Трухменцы, совершенно увѣрены, что они происходятъ отъ одного общаго родоначальника, Турка, жившаго во времена Мухаммеда въ Аравійскихъ степяхъ и переселившагося оттуда на Аму-Дарью. Здѣсь, отъ неизвѣстнаго кочевавшаго тутъ племени, приобрьлъ онъ себѣ жену, съ которою и прижилъ сына Сююнъ-Хана, а отъ Сююнъ-Хана

произошли восемь сыновей, сдѣлавшіеся главами осьми отдѣльныхъ колѣнъ.

По имени Турка, народъ всѣхъ этихъ осьми колѣнъ именуютъ себя Туркменами, а по другому выговору Туркманами, что означаетъ *Туркз - менз*, то-есть, по - Русски: «я Туркъ», «потомокъ Турка»; а по имени сына Турка, Сююнъ-Хана, тѣ же восемь Туркменскихъ колѣнъ, и преимущественно первыя шесть, именуютъ себя Сююнханами, Сеинханами, или Сеильханами.

Восемь Туркменскихъ колѣнъ доселѣ носить на себѣ имена своихъ родоначальниковъ, сыновей Сююнъ-Хана, которые назывались: I. Салыръ-Сарыкъ, изъ котораго одинъ писатель сдѣлалъ двоихъ родоначальниковъ, Салыра и Сарыка, — II. Ерсары, — III. Коклѣнъ, или Гокланъ, — IV. Эмыръ, — V. Текѣ, — VI. Юмудъ, или Юмудъ, — VII. Кайы, и VIII. Баядъ.

Два послѣднія колѣна суть тѣже, что и прочія, Сююнханы; но какъ Баядъ остался бездѣтенъ и его кровные родные подпали управленію Кайы, то оба эти колѣна и слились воедино, образовавъ изъ себя сложное колѣно Кайы-Баядъ. Сынъ и преемникъ власти Кайы, по имени Хасанъ-Ханъ, увеличилъ свое потомство, и управляемые имъ семьи раздѣлились на новыя отрасли по числу сыновей Хасана-Хана, которыхъ у него было шестеро, а между прочими и слѣдующіе пять: Абдалъ, Игдыръ, Чаудуръ, Бозаджы и Бурунд-

жукъ (а шестой Мангышлу, о которомъ мы распространяться не станемъ, потому-что до нашего предмета онъ не близко касается).

По имени этого Хасанъ-Хана, всѣ Туркмены племени Кайи-Баядъ и всѣхъ его отраслей исключительно называются Хасянами, или «Хасянскими-людьми».

Пять поименованныхъ нами сыновей Хасанъ-Хана сдѣлались родоначальниками слѣдующихъ Туркменскихъ отраслей, отчасти пребывающихъ нынѣ въ Россіи и отдѣлившихся отъ цѣлаго Туркменскаго народа, занимающаго степи между сѣверными границами Персіи, восточнымъ берегомъ Каспія и Хивинскимъ владѣніемъ, а также на пустыняхъ, отдѣляющихъ Хиву отъ Бухары и, наконецъ, въ восточныхъ предѣлахъ Персіи и въ сѣверо-западномъ Афганистанѣ. Всѣхъ же Туркменскихъ колѣнъ считается двѣнадцать: шесть колѣнъ Сеильхановъ и шесть колѣнъ Хасяновъ.

А. Первый родъ — Абдальскій, принявшій себѣ въ тамгу *ай*, то-есть «полумѣсяцъ». Родъ этотъ развѣтвился на четыре отдѣленія: 1. Дали, 2. Курбанъ, 3. Угры или Огры, и 4. Менглиходжа.

Туркмены этихъ четырехъ отдѣленій, по исчисленію, сдѣланному въ 1849 году, состояли изъ 1,065 душъ обоего пола, 574 мужчинъ и 491 женщины. Восемьдесятъ кибитокъ ихъ живутъ постоянно въ самой Астрахани и около нея; а остальные, по неимѣнію собствен-

ныхъ дачь, нанимають землю у Кундровскихъ-Татаръ и у береговыхъ владѣльцевъ.

Б. Вторая отрасль «Хасянскихъ - людей» носить названіе Игдыръ; тамга Игдыровъ нѣсколько схожа съ Греческою буквою ξ и выражаетъ собою змѣя, а потому и называется *джиланъ*, «змѣй».

Родъ этотъ развѣтвился на четыре отдѣленія:

1. Махмудъ, въ свою очередь, развѣтвившееся на пять подотдѣленій: а) Махмудъ, б) Тебѣръ или Тебыръ, в) Кулдаглы, г) Дѣзмышъ и д) Казайяклы.

Отдѣленія Дѣзмышъ и Кулдаглы усвоили себѣ особенную тамгу, схожую съ буквою П, именуемую *босай*, по-Русски «порогъ»; а отдѣленіе Казайяклы имѣетъ свою собственную тамгу, называющуюся *казайяклы*, что значитъ «гусиная лапа». Тамга эта чертится такъ, какъ ее начертилъ бы каждый неумѣющій рисовать: двѣ черты приставленныя къ третьей длинной чертѣ съ двухъ ея боковъ (Л). Тамга первыхъ двухъ подотдѣленій — *джиланъ*.

2. Кѣкъ. Принадлежащіе къ этой вѣтви Туркмены называются Коклѣръ; тамга ихъ Татарская буква *далъ*, по начертанію нѣсколько схожая съ нижнею половиною буквы З, въ скорописи.

3. Яхшыходжа; тамга его также — *далъ*.

4. Кыргызъ — вновь образовавшееся отдѣленіе, чрезъ присоединеніе къ Игдырамъ добровольно примкнувшихъ къ нимъ Киргизовъ.

Части отраслей Коклеръ и Яхшыходжа, и вѣтвей Махмудъ и Тебырь, въ числѣ 264 душъ мужескаго и 231 души женскаго пола (по счисленію 1849 года), кочуютъ вмѣстѣ съ Кундровскими-Татарами, за исключеніемъ пяти семей, постоянно живущихъ въ самой Астрахани. Другіе же Игдырскіе родовичи, какъ-то — Махмудъ, Тебырь, Кулдаглы, Дѣзмышъ, Казайяклы, Коклеръ, Яхшыходжа и Киргызъ, принадлежатъ къ старымъ переселенцамъ, и въ количествѣ, не приведенномъ еще въ совершенную точность, кочуютъ по рѣкѣ Кумѣ.

В. Третій родъ потомковъ Хасанъ-Хана называется Чаудуръ. Онъ самый многочисленный; кочуетъ непосредственно по тѣмъ же самымъ мѣстамъ, гдѣ и Игдырь, предшествуя сему послѣднему на разстояніи верстъ двадцати. Лѣтомъ Чаудуры пребываютъ по самому Калаусу, на Курбунъ-Джилгѣ, Мекѣ и другимъ и достигаютъ до возвышенностей Эргенѣ; а зимуютъ на правомъ берегу Кумы, откуда къ веснѣ и идутъ на Калаусъ, черезъ Манычъ. На самой Кумѣ, на лѣто они не остаются, потому — что оводъ и комары водятся здѣсь въ такомъ страшномъ количествѣ, что вытерпѣть ихъ нападенія нѣтъ силъ ни человеку, ни животному.

Нѣкоторая часть Чаудуровъ, состоявшая, по счету, сдѣланному въ 1851 году, изъ 122 кибитокъ, или изъ 381 души мужескаго и 252 душъ женскаго пола, съ давнихъ временъ разбрелась по разнымъ мѣстамъ Низовой-Сторо-

ны: такъ, на-примѣръ, 23 кибитки живутъ въ самой Астрахани и въ Царевской слободѣ Юртовскихъ-Татаръ; 37 кибитокъ расположились на Калмыцкомъ-Базарѣ; 14 кибитокъ близъ селенія Юртовскихъ - Татаръ — Солянки; 34 кибитки расположились близъ Кучерганскаго селенія Казанскихъ - Татаръ вокругъ *ауля*, то-есть могилы Татарскаго святоши; 7 кибитокъ нашли пріютъ у Карагашей; такое-же число разбрелось по разнымъ урочищамъ къ самой Волгѣ.

Всѣ Чаудуры принадлежатъ къ старымъ переселенцамъ и между такъ-называемыми «Мангышлацкими-Туркменами» нѣтъ ни одного Чаудура.

Отрасль эта развѣтвилась на шесть отдѣленій:

1. Себѣ, усвоившая себѣ тамгой *каши*, «плеть», которая обозначается простою чертою;

2. Шакшакъ; его тамга — *чѣмышъ*, «ковшъ» съ прямой ручкой;

3. Секѣ или Сокѣ; одна половина этого отдѣленія имѣетъ тамгой — «ковшъ», безъ ручки, обозначаемый простымъ кружкомъ (O); у другой половины, тамга — *чагаракъ*, «крестъ», изображающій перекрестину кибиточныхъ жердей (+);

4. Калымъ; его тамга — «плеть»;

5. Алабашъ }
и 6. Егѣтъ } тамга — «крестъ».

Г. Четвертый родъ есть Бозаджы, или какъ Русскіе по-просту ихъ называютъ Безошины;

ихъ всего 140 душъ обоего пола, каждого поровну, по исчисленію, произведенному въ 1849 году. Бозаджі принадлежатъ къ новымъ переселенцамъ, то-есть собственно къ «Мангышлацкимъ-Туркменамъ»; почти всѣ они кочуютъ на дачахъ Кундровскихъ-Татаръ и только семей пять живетъ въ самой Астрахани.

У Бозаджи два отдѣленія: 1. Кумечй и 2. Керсенчй; общая тамга ихъ — ай, «полумѣсяць».

Въ настоящее время, между «Туркменами Кавказскаго Вѣдомства» названія этого рода нѣтъ; но оно было прежде, и родичи Бозаджи были въ числѣ старыхъ Туркменскихъ переселенцевъ. Дѣло въ томъ, что они уже въ Россіи, по необъясненной пока причинѣ, сами переименовали себя именемъ, котораго не встрѣчается у коренныхъ, дальнихъ Туркменовъ. Они назвались Сююнджіаджі, оставивъ неизмѣнною прежнюю тамгу — «полумѣсяць».

Кавказскіе-Туркмены рода Сююнджіаджи имѣютъ шесть отдѣленій: 1. Дурдакъ, 2. Абліяминъ, 3. Токузуюлъ, 4. Суюндукъ, 5. Гаппаръ и 6. Дезмышъ.

Д. Пятый родъ «Хасянскихъ-людей» есть Бурунджукъ, весьма немногочисленный, примкнувшій къ Абдальцамъ, состоящій съ ними въ общемъ счетѣ, съ общей тамгой и вмѣстѣ съ ними кочующій на земляхъ Кундровскихъ-Татаръ.

Прежніе переселенцы, то-есть «Туркмены Кавказскаго Вѣдомства», о поводахъ прибытія

своего въ Россію, въ одномъ изъ документовъ, относящихся къ 1829 году, рассказываютъ такимъ образомъ, разумѣется съ нѣкоторыми прикрасами о своемъ могуществѣ и съ замѣною именъ преемницъ Петра-Великаго, именемъ самаго Петра—что надобно отнести къ лицу Русскаго сочинителя этого документа:

«Поколѣніе Туркменъ происходитъ отъ сильнѣйшаго народа, кочевавшаго въ первой половинѣ XVII столѣтія около Бухары и Хивы. Обитаніе ихъ въ семъ мѣстѣ конечно бы упрочилось на долгія времена, ежели бы въ то время имя Персидскаго шаха, Надира, не устрашало нашихъ предковъ. Туркменскій народъ, сколько ни былъ онъ въ то время силенъ и многочисленъ, имѣя у себя непобѣдимую конницу и многочисленное войско, однакожь, не желая сопротивляться Надиру-Шаху, удалился съ 300,000 (!) кибитокъ въ степь Мангышлацкую, почитая эти мѣста древнимъ своимъ кочевьемъ.

«Прибывъ сюда, Туркмены «просили пособія въ хлѣбѣ изъ Астрахани», откуда и былъ въ то время отправленъ съ мукою корабль (въ Астрахани, подъ «кораблемъ» разумѣютъ всякое большое торговое мореходное судно, большую расшиву). Пособіе это Русскаго Начальства вселило въ сердцахъ Туркменовъ такую благодарность къ Русской Державѣ, что они рѣшились отдѣлиться отъ своихъ соплеменниковъ и отдаться въ подданство Петра-Великаго.

«Двѣсти кибитокъ Игдыровъ, Чаудуровъ и Безошиновъ перешли съ Мангышлака въ Астрахань, гдѣ, по Царскому указу, и подпали власти Аюки-Хана.»

По новѣйшимъ разсказамъ Туркменскихъ стариковъ, происшествіе это объясняется нѣсколько проще. Они говорятъ, что торговцы Туркменскіе часто бывали въ Астрахани и сами по себѣ, и съ Хивинскими караванами. Однажды прибыли они въ Астрахань въ то самое время, когда здѣсь былъ Петръ-Великій и готовился къ морской кампаніи 1722 года. Прогуливаясь въ окрестностяхъ Астрахани, Государь посѣтилъ кибитки Мангышлацкихъ купцовъ, самъ спрашивалъ ихъ о восточномъ побережьи Каспія и, принявъ отъ нихъ небольшое угощеніе, состоявшее изъ плова и баранины, записалъ себѣ на память имена тѣхъ, кто оказалъ ему знаки гостепріимства. Когда купцы отбыли обратно на Мангышлакъ, Петръ-Великій велѣлъ, слѣдующей весной, отправитъ на суднѣ на Мангышлакъ двѣсти кулей пшеничной муки и раздать ихъ именно тѣмъ извѣстнымъ лицамъ, которые въ Астрахани раздѣлили свой обѣдъ съ Русскимъ Царемъ. Царская милость такъ подѣйствовала на мирныхъ пастырей, что они стали разсуждать объ Россіи, которая, вѣрно, очень богата, если Царь ея даже къ чужимъ народамъ такъ милостивъ, и рѣшили тѣмъ, чтобъ съ бесплодныхъ береговъ Каспійскаго-Прибрежья пере-

кочевать на зеленые Волжскіе луга. Здѣсь ихъ подчинили власти Аюки-Хана.

Иные рассказываютъ еще проще и еще правдоподобіе. По ихъ словамъ, Аюкины Калмыки, по Царскому указу, служили прикрытіемъ отряду, сопровождавшему Бековича въ Хиву. Аюка, отличавшійся воинственнымъ духомъ и непомѣрнымъ самолюбіемъ, старался заводить ссоры со всѣми окружными племенами и, подъ видомъ услугъ Россіи, обвинялъ ихъ въ непокорности, дѣлалъ на нихъ нападенія, отнималъ скотъ и налагалъ дань для собственной своей казны и, между прочимъ, старался перемѣшать разныя иноплеменные поколѣнія съ подвластными себѣ Калмыками. Аюкинскіе Калмыки, возвращаясь ни съ чѣмъ съ береговъ Аму-Дарьи и претерпѣвая нужду, зашли на Мангышлакъ, сдѣлали нападеніе на тамошнихъ Туркменовъ, запленили у нихъ 380 кибитокъ, увлекли съ собою и, черезъ Эмбу и Уралъ, пригнали ихъ въ Нарынъ-Пески, гдѣ была лѣтняя Аюки - Ханова ставка.

Что здѣсь именно была главная лѣтняя ставка Аюки, въ томъ свидѣлствуютъ слова одного Китайца, бывшаго лѣтомъ у Аюки въ качествѣ посланника отъ Богдохана. Китаецъ этотъ, по переводу Россохина, говоритъ, что ставка Аюки, въ отношеніи къ Саратову, приходилась на юго-востокъ; съ запада и съ сѣвера течетъ Болга или Эдзиль (Волга), съ востока Дзай (Джайыкъ, Яикъ, Уралъ), съ юга

Тенгисъ (море); на другомъ берегу Эдзила за Саратовомъ, города — Сира-Камуси, Сарицы, Гарасъ-нойоръ, Шоръ-нойоръ и Астрахань, въ которыхъ немудрено узнать Камышинъ, Царицынъ, Красный-Яръ, Черный-Яръ и Астрахань.

Проводя лѣто въ Нарынъ-Пескахъ, Туркмены на зиму перекочевывали на рѣку Куму. Когда Калмыки замыслили, въ 1770 году, откочевку въ Монголію и стали перебираться за Уралъ, то Туркмены, пребывая на Кумѣ, тамъ и остались въ полномъ своемъ составѣ, за исключеніемъ тѣхъ только 80 кибитокъ, которыя, черезъ семь лѣтъ послѣ прибытія своего съ Калмыками въ Нарынъ-Пески, снова перебрались на Мангышлакъ.

Съ 1825 года, Туркмены эти совершенно отдѣлены отъ Калмыковъ и подчинены, вмѣстѣ съ другими народами, говорящими Тюркскимъ нарѣчіемъ, особому учрежденію — такъ-называемому Главному Управленію Мухаммеданскихъ Народовъ.

Вотъ все, что мы, въ настоящихъ обстоятельствахъ, можемъ сказать о старыхъ Туркменскихъ переселенцахъ. Что касается до новыхъ переселенцевъ, то изъ собственныхъ ихъ разсказовъ и обнародованныхъ грамотъ можно вывести слѣдующее:

Когда Киргизы, придвигаясь все далѣе и далѣе къ западу и распространяя свои кочевья по степи, достигли Устюрта и спустились съ него въ Атрау, то, естественнымъ

образомъ, положеніе Туркменовъ не могло не казаться стѣсненнымъ; стѣсненіе это еще болѣе сдѣлалось чувствительнымъ, когда, кромѣ нападковъ со стороны Киргизовъ, Туркменовъ стали преслѣдовать и Хивинцы, и налагать на нихъ «закать».

Кочевавшіе по Мангышлаку «Хасянскіе-люди» и отъ своей братьи, возвратившихся изъ Россіи Туркменъ, и отъ Русскихъ торговцевъ набрались разныхъ слуховъ о той цѣнѣ, какую должно имѣть въ нашихъ глазахъ восточное побережье Каспія; слухи эти поддерживались и паническимъ страхомъ Хивинцевъ, чтобы Русскіе не овладѣли здѣсь какимъ-нибудь твердымъ опорнымъ пунктомъ.

Такимъ образомъ, терпя невзгodu отъ Киргизовъ, негодуя на Хивинцевъ, имѣя въ Россіи кровныхъ родичей, видя обезпеченное у насъ положеніе Мухаммеданъ и стараясь совершенно предаться Россіи, Туркмены воспользовались всѣми носившимися слухами, избрали изъ среды себя депутатовъ, по одному старшинѣ отъ каждаго рода — Далі, Курбанъ, Огры, Менглиходжа, кочевавшихъ отъ залива Сарыташъ до залива Карабугазъ.

Четыре старшины — Мулла Давлетъ-Муратъ-Ніязъ Багадуровъ, Тугунчи Кара Багадуровъ, Бегенджи Муратъ-Беевъ и Ирали Дурды Муратовъ прибыли, въ 1801 году, въ Астрахань, при Военномъ Губернаторѣ Кноррингѣ; въ февралѣ 1802 года отправлены въ Петербургъ и здѣсь, 16 апрѣля 1803 года, получили:

1) милостивую царскую грамоту, которой мы здѣсь впрочемъ не выписываемъ, 2) увѣдомленіе, что Киргизскому Хану Пиръ-Гали, повелѣно «Туркменовъ оставить въ покоѣ и отнюдь непріязненности имъ никакой не оказывать», и 3) Царскіе подарки—60 аршинъ сукна разныхъ цвѣтовъ на платье, 30 аршинъ алаго сукна и 156 аршинъ атласу на бешмети, 30 аршинъ тафты на опушь и 30 аршинъ парчи на кушаки.

Послѣ этого, Туркмены возвратились въ Астрахань, а оттуда ихъ перевезли на казенный счетъ снова на Мангышлакъ, вмѣстѣ съ инженеръ-поручикомъ Лашкаревымъ, которому дано было особое порученіе касательно обозрѣнія Мангышлака и избранія мѣста, удобнаго для возведенія на немъ крѣпости, о которой Туркмены сами ходатайствовали.

Далѣе о Туркменахъ мѣстные документы не говорятъ ничего вплоть до 1844 года, когда явилось отъ Туркменъ нѣсколько депутатовъ съ просьбою дозволить имъ переселиться въ Астрахань.

При обширности скотоводства у Туркменъ, этого нельзя было иначе сдѣлать, какъ сухопутною перекочевкою ихъ съ Мангышлака на берега Ахтубы, кругомъ Мертваго-Култука; но такъ какъ подобное передвиженіе возможно въ наши времена только для немногочисленныхъ ауловъ, а не для цѣлаго племени, переселеніе же его посредствомъ перевозки во все несообразно съ логикой, то дѣло опять окончилось ничѣмъ.

Однакожь, въ 1813 году, почти нечаянно появилось въ Астрахани около шести-сотъ душъ Туркменовъ обоого пола: они доставлены были сюда на двухъ мореходныхъ расшивахъ, нанятыхъ ими у купца Герасимова, производившаго на Туркменскихъ берегахъ кой-какую торговлю.

Въ 1815 году, Туркменскій старшина Ирали Дурды Муратовъ объявилъ Губернскому Начальству, что Туркменъ съ Мангышлака переселилось 220 семействъ, что всѣ они хотятъ быть подданными Россіи, и что, за неимѣніемъ собственной земли, они частію пріютились у Кундровскихъ-Татаръ, съ платою имъ за это 30 рублей асс.

Въ настоящее время эти такъ-называемые «Мангышлацкіе-Туркмены» земли не имѣютъ и никакихъ податей и повинностей въ казну не платятъ.

За кортому чужой земли Туркмены платятъ оброкъ съ каждой скотины, выпускаемой на потраву луговъ или камышей. Лѣтомъ скотъ ихъ пасется на земляхъ Кундровскихъ-Татаръ, зимой — на земляхъ Куселева-Безбородко; плата за это обоемъ по 15 к. сер. за крупную скотину и по 3 к. сер. за мелкую, итого въ годъ — 30 к. сер. съ рогатаго скота, лошадей и верблюдовъ и 6 к. сер. съ козы и овцы. Само собой понятно, что подъ скотоводство Туркменамъ никто не станеть отводить лучшихъ небезплодныхъ участковъ.

Въ 1849 году, по собраннымъ официальнымъ путемъ свѣдѣніямъ, у Туркменовъ оказалось: верблюдовъ 560 головъ, лошадей 547, крупнаго рогатаго скота 667, овецъ 2,000, козъ 1,634.

По частнымъ свѣдѣніямъ, собраннымъ въ 1851 году, число Туркменовъ полагалось въ 500 кибитокъ; по исчисленію же, произведенному въ 1849 году, ихъ считалось 325 семействъ, въ 1,699 душъ обоего пола, 907 душъ мужчинъ и 792 женщины. Если цифры эти окажутся несомнительными, то мы получимъ слѣдующіе выводы:

1) За перепускъ своего скота на земли постороннихъ владѣльцевъ, Туркмены платятъ 850 р. 24 к. сер., что составляетъ по 2 р. 92 к. сер. съ семьи, или по 94 к. сер. съ души мужескаго пола—расходъ, какъ видно, весьма не тяжелый.

2) Изъ общей сложности скота, на каждое Туркменское семейство приходится по двѣ коровы, по пяти козъ и по шести овецъ и, наконецъ, по семи лошадей и по семи верблюдовъ на каждыя четыре семьи. Впрочемъ, извѣстно, что 85 Туркменскихъ семействъ рѣшительно не имѣютъ никакого скотоводства, пускаются въ музуры, въ носильщики, въ крющники, весельщики и занимаются по городамъ иными черными работами, мелочнымъ барышничествомъ и, изрѣдка, разведеніемъ бахчей, поступая за это въ половники къ Татарамъ, а иногда и изъ оброка въ 9, 10 и до 15 р. сер., смотря по степени отдаленія участка отъ города.

Въ прежнее время, Туркмены большею частию занимались торговлею; но въ-слѣдствіе неудавшихся спекуляцій, они впади въ долги, которыхъ на нихъ и считается болѣе 5,000 р. сер., подлежащихъ взысканію.

Туркмены — роста средняго, сложенія крѣпкаго. Лица ихъ, отъ смѣшенія съ Калмыками, утратили правильность очертаній: они скуласты; загаръ лица еще больше усиливаетъ темный цвѣтъ его кожи. Бороды у нихъ короткія, волосы черные; глаза черные, открытые и быстрые.

Въ отношеніи суда и расправы, Астраханскіе-Туркмены вѣрны своимъ патріархальнымъ началамъ и управляются по числу родовъ и главнѣйшихъ ихъ отдѣленій, шестью старшинами, которые судятъ своихъ сородичей въ малыхъ винахъ — по согласію общества, въ большихъ — по Корану, а за повтореніе проступка — строже и чувствительнѣе. Старшины эти никакихъ исключительныхъ политическихъ правъ предъ другими не имѣютъ, кромѣ права на почтеніе и уваженіе ихъ сѣдинъ, опытности и мудрыхъ рѣшеній; но поборами не пользуются никакими.

Туркмены, во все время пребыванія въ Россіи, съ честію поддерживаютъ репутацію народа кроткаго и правдиваго; по тщательно собраннмъ за послѣднія десять лѣтъ официальнымъ свѣдѣніямъ, о Туркменахъ не возникало никакихъ дѣлъ ни по преступленіямъ, ни даже по проступкамъ.

Всѣ Туркмены—Сунниты; мечетей у нихъ нѣтъ, но муллы, какъ и вездѣ, есть; правиламъ вѣры они наставляются у муллъ Киргизовъ Внутренней-Орды; грамотность между Туркменами развита весьма мало.

Мушныны волосы бръютъ; на головахъ носятъ Астраханскіе—Туркмены остроконечные «тюбетей», а Кавказскіе—тюбетей полушаріемъ изъ пестрыхъ шелковыхъ матерій. Шапки у нихъ высокія, мерлушчатая, съ раструбомъ наверху и съ небольшимъ темнымъ, а иногда цвѣтнымъ суконнымъ выпускомъ; зимою шапки замѣняются Киргизскими малахаями.

На ноги сверхъ *чулау*, или онучь, Туркмены надѣваютъ конёвьи ичиги безъ подошвъ; а на нихъ—остроконечные башмаки съ савровыми задками.

Кульмякъ, или рубаха, у нихъ, какъ у всѣхъ коренныхъ степняковъ, отличается отъ обыкновенной длинкой Татарской рубахи тѣмъ: 1) что она коротка и едва доходитъ за три пальца ниже пояса; 2) она шьется на-манеръ халата, съ полами, которыя и запахиваются одна на другую; 3) бываетъ исключительно бѣлаго цвѣта и 4) изрѣдка длинныя и отложныя воротнички ея обшиваются по краямъ разноцвѣтными шелками.

Поверхъ рубахи надѣваютъ Туркмены полукафтаны—нанковыя, китайчатая, шелковыя, а зимой и суконныя; полукафтаны эти не прикрываютъ груди, а стягиваются только почти у пояса маленькими шелковыми круглыми пу-

говками. На полукафтанье надѣвается простой Хивинскій бумажный халатъ, стягиваемый кушакомъ, за который непременно затыкается съ правой стороны носовой платокъ; сверхъ него надѣвается другой халатъ, получше перваго, въ торжественные случаи — полуселковый. Въ зимнее время надѣваютъ: богатые — суконный *чапанъ*, подбитый мѣхомъ, а люди обыкновеннаго достатка — бараній полшубокъ домашней работы.

Воинскій нарядъ Туркменовъ совершенно вывелся у нихъ изъ употребленія; его составляли, въ старые годы, слѣдующія принадлежности: 1) *туля* — желѣзный или стальной шишакъ, схожій съ Башкирскимъ, безъ забрала и съ мягкими козырькомъ, задкомъ и наушниками; 2) *чарайна* — металлическій нагрудникъ; 3) *саутъ* — обыкновенная кольчуга съ короткими рукавами; 4) *клышъ* — сабля; 5) *салдакъ* — сайдакъ, то-есть лукъ и колчанъ со стрѣлами, и 6) *найза* — длинное копье съ четырехграннымъ желѣзомъ на обоихъ концахъ, съ одного — острое, съ другаго — тупое.

Женскій полъ у Туркменовъ пользуется тою же свободою обращенія, какою отличаются женщины у Киргизовъ и Калмыковъ: онѣ не прячутся отъ мужчинъ, не скрываютъ лицъ подъ чадрами и не уклоняются отъ разговоровъ и даже отъ шутокъ съ посторонними.

Нарядъ женщинъ, кромѣ широкихъ синихъ или красныхъ шальваръ, онучъ и мяг-

кихъ безъ подошвъ сапоговъ, состоятъ изъ простой полушелковой, красного или желтаго цвѣта, рубахи (*куйльякъ*) и бумажнаго Хавинскаго халата, полы котораго стачиваются иногда вмѣстѣ. Халаты эतोу у пожилыхъ женщинъ, но не у дѣвицъ или у молодыхъ бабъ, обвязывается бѣлымъ кушакомъ изъ грубаго бумажнаго полотна.

Волосы убираются различно. Дѣвицы по верхъ платья выпускаютъ три длинныя плетенныя косы, украшенныя разными блестящими привѣсками; молодыя бабы, не имѣвшія еще дѣтей, а иногда и такія, у которыхъ есть одинъ ребенокъ, но которыя за красоту свою не принуждены заниматься исключительно только однимъ хозяйствомъ, распускаютъ, по примѣру Калмычекъ, двѣ косы не на спину, а напередъ, черезъ плечи, по одной косѣ на сторону; у женщинъ, отжившихъ время заботиться только о нарядахъ, волосы не заплетаются, а просто распускаются подъ «тастаромъ».

Тастаръ есть бѣлое кисейное покрывало, которое надѣвается на голову и, окутывая шею и верхнюю половину стана, спускается сзади почти до самаго подола.

Сверху «тастара», женщины носятъ на головѣ *селаучъ*: это небольшой закругленный со всѣхъ сторонъ лоскутъ краснаго сукна, вышитый разноцвѣтными шелками подъ прихотливые узоры, отороченный желтымъ или синимъ сукномъ, или полоскою мѣха и, посред-

ствомъ подшитыхъ къ нему цвѣтныхъ тесемокъ, подвязываемый у подбородка.

Сверхъ «селауча» надѣвается *буркъ* или *бюркъ*, «шапка». Шапка эта миниатюрная, круглая, обшита выдровымъ мѣхомъ съ такими же наушниками, которые, глядя по погодѣ, могутъ быть подвязаны къ задку. Шапка эта, какъ и «селаучъ», дѣлается изъ краснаго сукна и украшается различными узорами изъ разноцвѣтныхъ шелковыхъ шнурковъ.

Дѣвицы этихъ двухъ головныхъ уборовъ не надѣваютъ, а вмѣсто ихъ употребляютъ калпаки, или легкіе бѣлые, изъ самой тонкой и чистой кошмы, или обыкновенные Татарскіе шелковые, которые носятъ на такой же образецъ, какъ носятъ Испанцы свои длинныя сѣтки.

Въ послѣднее время, Туркменскія женщины переняли отъ Астраханскихъ Татарокъ обычай накрываться халатомъ, для чего и просовываютъ голову въ одинъ рукавъ; впрочемъ, лицъ своихъ отъ неправоверныхъ онѣ полой не застѣняють.

Въ зимнее время, Туркменки носятъ шубы, крытыя шелковой матеріей.

Носовой бумажный платокъ въ рукахъ есть необходимая принадлежность каждой, понимающей приличія, Туркменки.

Дѣвицамъ, или очень еще молодымъ женщинамъ, предоставляется придавать своей красотѣ блескъ разными средствами; но сурьмой и румянами натираются всѣ безъ исключенія.

Серьги въ ушахъ, въ одномъ или въ обо-
ихъ, носятъ однѣ только дѣвицы; кольцо или
серьгу въ ноздрѣ носятъ и дѣвицы и моло-
дые бабы, также какъ и браслеты, перстни и
кольца.

Женскія рубахи совершенно походятъ на
мужскія; но воротнички застегиваются мелкою
серебряною монетою, привѣшиваемою къ вер-
шинкѣ одной полы въ родѣ пуговицы. Носятъ
также подъ халатами коротенькіе, схожіе съ
мужскими, кафтанчики.

Въ-теченіе тридцатилѣтняго своего пре-
быванія въ Россіи, «Мангышлацкіе-Туркмены»
до такой степени сблизились съ Кувдровски-
ми-Татарами, что теперь очень трудно найти
различіе между ними во всемъ, что касает-
ся образа жизни, занятій, нравовъ и обы-
чаевъ.

IX.

КИРГИЗЫ ВНУТРЕННЕЙ-ОРДЫ.

Киргизы, или — какъ они сами себя называютъ — *Казакъ*, издавна, по-крайней-мѣрѣ по слухамъ, были извѣстны Русскому Правительству. Еще во времена Грознаго, у насъ знали про нихъ, и около 1570 года слышали, что у Кучума-Царя съ Казацкимъ-Царемъ война была; во время составленія Книги Большому Чертежу, писали, что Казацкая Кочевая Орда да Калмыки занимали стойбищами своими пространства между рѣками Кендерликомъ и Сары-су; во времена посольствъ къ Алтыну-Хану, Русскіе встрѣчались съ Киргизами въ верховьяхъ Енисея, Оби и Иртыша.

Киргизы стали подаваться оттуда далѣе и далѣе къ западу и, наконецъ, заняли своими кочевьями все пространство отъ верховьевъ Иртыша до восточныхъ береговъ Каспійскаго-Моря.

Киргизы раздѣлялись прежде на три отдѣльныя отрасли, *джюзз*, «сотни». Одна изъ нихъ называлась *Улу-джюзз*, что мы передѣляли въ «Большую-Орду», хотя собственно слово «орда» означаетъ только главную ставку предводителя племени; другая присвоила себѣ названіе *Урта-джюзз*, что, по усвоеннымъ нами выраженіямъ, означаетъ «Среднюю-Орду»; третья именовалась *Кий-юзз* — по нашему «Малая-Орда». Родоначальникомъ первой, по преданіямъ Киргизовъ, былъ Юйсюнъ, второй — Аргунъ, третьей — Альчинъ; всѣ трое были сыновья Алача-хана, перваго предводителя всѣхъ Казачковъ, то-есть Киргизовъ.

Орды эти, въ прежнія времена, управлялись своими ханами. Ханъ Малой - Орды, съ подвѣдомственными ему родами, занималъ степи, лежащія по лѣвому берегу рѣки Урала, достигая въ своихъ перекочевкахъ Аральскаго-Моря, части владѣній Бухары и Хивы и прибрежій Каспія.

Съ давнихъ временъ, Киргизы заискивали покровительства могущественнаго Русскаго Государя; съ давнихъ временъ Правительство наше подчиняло отрасли Киргизовъ своему вліянію; но полное обладаніе Киргизами совершилось не ранѣе, какъ въ первой поло-

винѣ прошлаго столѣтія, когда сынъ Абулгази-Султана, внукъ султана Аджі, по имени Абулхайръ, принялъ Русское подданство и, властію нашего Правительства, возведенъ въ санъ хана Малой-Орды, Орды Зауральской. Тогда же объ этомъ присоединеніи дано знать правительствомъ сосѣдственныхъ Россіи державъ и утверждены границы Россіи до моря Аральскаго и до рѣки Сыръ-Дарья въ официальномъ атласѣ, изданномъ въ то время трудами Петербургскихъ академиковъ.

Абулхайръ, бывший прежде того нѣскольکو времени Хивинскимъ ханомъ, управлялъ Киргизами мирно и спокойно; но послѣ именно въ 1749 году, въ слѣдствіе раздоровъ, онъ былъ убитъ, по словамъ однихъ — Бараккомъ, султаномъ Каракалпацкимъ, а по словамъ другихъ — Сарымбетомъ, батыремъ Аргынскаго рода.

Бывшій прежде, короткое время, Каракалпацкимъ ханомъ, сынъ Абулхайра, Нурали, возведенъ былъ, послѣ смерти отца своего, въ званіе хана Малой Киргизской-Орды. Онъ управлялъ Ордою лѣтъ сорокъ; но потомъ, заслуживъ поведеніемъ своимъ негодованіе главнаго Оренбургскаго начальника Барона Игельштрёма, взятъ былъ въ Уфу, гдѣ черезъ нѣсколько лѣтъ и умеръ.

По смерти Нурали, достоинство хана перешло къ брату его Эрали, управлявшему Киргизами около трехъ лѣтъ. У Нурали было много сыновей; но какъ въ достоинство

хановъ, въ прежнія времена, избирались одни султаны, то-есть «благорожденные», «бѣлая-кость», «потомки Чингиса», и избирались сначала не безъ подкуповъ, разумѣется, и не безъ интригъ, а потомъ право возведенія въ ханство принадлежало только волѣ и милостямъ Русскаго Государя, то одинъ изъ сыновей Нурали, Пиръ-Гали и не могъ питать законныхъ надеждъ на ханское званіе. Онъ предводительствовалъ года два-три Туркменскимъ народомъ и, въ званіи Туркменскаго хана, умеръ около 1805 года.

По смерти Эрали, ханскимъ званіемъ пожалованъ былъ другой сынъ Нурали, Ишимъ; онъ правилъ Киргизами, въ зависимости отъ Оренбургскаго Начальства, только четыре года, и умеръ.

Но потомки Абулхайра съ нимъ еще не исчезли: въ живыхъ оставались сынъ Абулхайра, Айчувакъ, и племянники его, дѣти Нурали — Каратай, Букей, Урманъ и Шигай.

По смерти Ишима, Баронъ Игельстрёмъ хотѣлъ ходатайствовать о возведеніи въ ханское званіе Букея Нуралиева, по достоинствамъ своимъ болѣе соответствовавшаго ожиданіямъ Правительства; но Каратай, какъ старшій братъ, считалъ себя обиженнымъ, полагая, что ему слѣдуетъ быть ханомъ. Правительство милостиво взирало на преданность къ себѣ Букея; народъ былъ весьма сильно привязанъ къ этому султану, умѣвшему и передъ нимъ выказать свои доблести; но Каратай не любилъ никто

за его горячій нравъ и надменность. Каратай, вознамѣрившись, во что бы ни стало, препятствовать возвышенію младшаго брата, воспользовался дальностью своего пребыванія, заманилъ къ себѣ Букея и не выпускалъ никуда.

Такимъ образомъ, ханская вакансія досталась, въ 1798 году, престарѣлому и дряхлѣвшему уже Айчуваку, по слабосилію, старости и глухотѣ сложившему, въ послѣдствіи времени, это званіе въ пользу сына своего, Джантюря.

Всѣ эти обстоятельства сами собой указываютъ, что интриги между «султаньёмъ», какъ Русскій народъ называетъ всю породу султановъ, должны были волновать и самихъ Киргизовъ. Султаны, въ тѣ времена, имѣли огромное вліяніе на народъ, заискивали себѣ его расположеніе, льстили его наклонностямъ и дѣлались любимцами, зная, что чѣмъ обширнѣе будетъ ихъ вліяніе, чѣмъ болѣе пріобрѣтутъ они себѣ преданныхъ семействъ — тѣмъ и вещественное ихъ благосостояніе, ихъ матеріальное богатство, будутъ огромнѣе. И дѣйствительно, въ концѣ прошлаго столѣтія, степь раздиралась раздорами; убійства, а непрерывнымъ слѣдствіемъ того, и баранты, или отгоны скота за кѹну, за кровь, были безпрестанныя; мятежи и полный хаосъ царствовали между родичами.

Не задолго до того, именно въ началѣ сороковыхъ годовъ, Калмыки бѣжали съ Волги въ Китай: степь, ими прежде переполненная,

теперь опросталась. Султанъ Букей, отличавшійся необыкновеннымъ умомъ и смѣлвостью, сталъ наводить справки о Заволжскихъ степяхъ и, въ-слѣдствіе разныхъ дружескихъ совѣтовъ и внушеній, рѣшился отдѣлиться отъ своей Орды самостоятельной отраслю и откочевать отъ нея подальше, на привольные луга Ахтубы, слава которыхъ разносилась между кочевыми племенами еще съ очень отдаленныхъ временъ. Букей сталъ хлопотать, просить, — и получивъ въ мартъ 1801 года Всемилостивѣйшее разрѣшеніе грамматою Императора Павла Петровича, съ осени же, какъ обыкновенно водится, предпринялъ перекочевку за Уралъ и утвердился въ такъ-называемыхъ «Нарынъ-Пескахъ».

Мы уже замѣтили, что родоначальникомъ Киргизовъ Малой-Орды считается Альчинъ: отъ этого Альчина происходятъ и всѣ три отрасли Киргизовъ этой Орды. Отъ старшаго сына, котораго звали Алѣмъ, произошли поколѣнія Киргизовъ, по-Русски называемыхъ Алимуллинцами, вмѣсто Алѣмцовъ (впрочемъ, собирательнымъ именемъ «Алѣмъ», Хивинцы называютъ преимущественно два рода Зауральскихъ Алимулинцовъ, именно роды Дюртъ-Каръ и Чиклѣ). У средняго, котораго звали Кыдыръ-Ходжа и у котораго было очень много сыновей, произошла отрасль Байулинецовъ, «Байуль» (бай, по-Тюркски, «богатый», а уль значитъ, говорятъ, «сынъ»). У меньшаго Альчинова сына, Каракатыша, было семь сы-

новой, сдѣлавшихся, въ свою очередь, родоначальниками, и потому племя его именуется «Семпродскимъ», по-Киргизски *Джиди-уругъ*. Каждое изъ этихъ поколѣній раздѣлялось на нѣсколько родовъ, имѣвшихъ собственную свою тамгу и уранъ, или условный воинскій кликъ: но здѣсь мы объ этомъ не распространяемся, предоставляя себѣ подробное разъясненіе всего въ другомъ трудѣ. Каждый родъ Киргизскій раздѣляется на отдѣленія, а тѣ — на новыя подотдѣленія, состояція уже изъ самыхъ близкихъ родственныхъ семей.

Эта родственная, кровная связь, между семьями подотдѣленій и цѣлаго рода развитая, искони поддерживается однородцами и особенно одноотдѣленцами: здѣсь уже частный произволъ уступаетъ мѣсто волѣ общества и лице главы семейства, какъ гражданинъ, совершенно уничтожается передъ идеею рода, какъ лица юридическаго.

Стало-быть, намъ будетъ понятно, почему за султаномъ Букеемъ, изъ Зауральской-Степи, послѣдовали въ степь Заволжскую осколки всѣхъ отраслей Киргизовъ Малой-Орды. Отъ нея отдѣлились:

1. Алимulinской отрасли Малой-Орды незначительныя части рода Кйти;
2. Байулинской отрасли части родовъ: Бершъ, Байбакты, Алачъ, Черкѣшъ, Исенъ-темиръ, Кызылкұртъ, Тана, Джаппасъ, Адаи, Маскаръ, Тазларъ и Ыссыкъ.

3. Семиродской отрасли части родовъ Табьинъ, Тамъ и Кердеръ.

4. Родъ Ногай, который, сколько заподлинно извѣстно, составилъ въ 1745 — 1747 годахъ, когда назначенныя, по подозрѣнію, къ переселенію на рѣку Сакмаръ къ кр. Озерной 25 семей Кундровскихъ-Татаръ (50 чело-вѣкъ взрослыхъ мужчинъ, а всего 138 душъ), бѣжали къ Киргизамъ за Уралъ. Поймать ихъ вѣрно было Абулхапрову сыну, Нурали; но тотъ сего не исполнилъ. Кундровцы примкнули къ Киргизамъ, сплотились съ ними, расплодился — и теперь это самый людной родъ между Букеевскими-Киргизами.

5. Родъ Тюленгютовъ, прежде составлявшихъ когорту, дворъ и прислугу хановъ и султановъ, образовался въ послѣдствіи времени.

Кромѣ того, при Букѣ находилось нѣсколько десятковъ кибитокъ (семей) ходжѣй и султановъ безъ значенія.

Эта, вновь такимъ-образомъ сформировавшаяся Орда, въ отличіе отъ ордъ Зауральской и Сибирской, именуется — «Внутреннею», а иногда, по имени виновника ея образованія — «Букеевскою». Переселеніе Киргизовъ на новыя мѣста началось къ концу 1801 года и подкочевка новыхъ семей кончилась въ 1803 году, хотя продолжалась и послѣ, небольшими партіями.

Букѣй Нуралиевъ долго управлялъ своими Киргизами въ качествѣ простаго султана, не

облеченнаго никакимъ высшимъ званіемъ, и только въ 1812 году Монаршими щедротами возведенъ въ достоинство хана.

Букей умеръ въ 1815 году; послѣ него, простымъ правителемъ Орды былъ братъ его, Шигай, а въ 1824 году, въ-слѣдствіе Высочайшаго повелѣнія, званіемъ хана Внутренней Орды облеченъ былъ сынъ Букея, Джангеръ, умершій въ 1845 году и заключившій собою недлинный рядъ хановъ Заволжскихъ Киргизовъ, которые теперь управляются особымъ учрежденіемъ и, въ-слѣдствіе условій мѣстности, а также продолжительнаго подготовленія къ новой жизни и усвоенія себѣ началъ общаго въ Имперіи Управленія, могутъ быть совершенно сравнены, въ этомъ отношеніи, съ прочими кочевыми племенами Низовой-Стороны.

Руководствуясь частію собственными записками покойнаго Джангера, а частію устными разсказами знающихъ людей, мы можемъ еще прибавить слѣдующее.

Число кибитокъ въ Ордѣ въ 1803 году достигло до 7,500, говоритъ Джангеръ. Съ 1801 по 1803 годъ изъ Киргизовъ Малой-Орды, преданныхъ Букею, какъ старшему и важнѣйшему изъ дѣтей Нураи-хана, эти 7,500 кибитокъ составляли только часть: весьма многіе султаны, старшины и Киргизы, принадлежавшіе къ тѣмъ же родамъ, изъ которыхъ составила и Орда-Внутренняя, и къ нѣкоторымъ другимъ — оставались за Ураломъ, сохраняя прежнюю преданность, связь, пріязнь

и согласіе, непрерывавшіяся между Доуральскими и Зауральскими Киргизами. Въ-слѣдствіе этой преданности и (это вѣрише всего) открывшихся во Внутренней-Ордѣ выгодъ быта, безопасности и спокойствія, хозяйства и обилія удобныхъ для скотоводства мѣстъ, Зауральскіе Киргизы ежегодно, съ 1803 по 1828 годъ, переходили изъ-за рѣки Урала въ Нарынъ-Пески, для зимовокъ и для продовольствія табуновъ и стадъ подножнымъ кормомъ. Эти такъ-называемые «перепуски» обратились въ обыкновеніе и не обращали на себя особенной съ чьей-либо стороны зоркости, пока смуты и разныя злоупотребленія не указали на настоящій ихъ смыслъ въ отношеніи къ людямъ, могущимъ, по своему положенію, вредно дѣйствовать на миръ и тишину въ народѣ. Зауральскіе Киргизы приходили на зимовки во Внутреннюю-Орду и, въ болѣе или меньшемъ количествѣ, оставались тамъ иногда совѣмъ, на вѣчное пребываніе; а когда нѣкоторые и уходили снова за Уралъ на обыкновенныя, лѣтнія свои кочевья, то вмѣстѣ съ ними скрывались, убѣгали за Уралъ, и лица, преслѣдуемая закономъ за зловредныя дѣянія. Въ-слѣдствіе разныхъ подобнаго рода событій, перепускъ скота и свободный переходъ Зауральскихъ Киргизовъ во Внутреннюю-Орду, въ 1828 году, Высочайше воспрещенъ.

Изъ этого уже видно, сколь огромное пространство степей успѣли, такъ сказать, закрѣ-

пить за собою Букеевскіе-Киргизы; но послѣдствія открыли, что степи эти, пожалованныя вышею властію цѣлому народу для его благосостоянія, обратились какъ бы въ личную собственность самого хана. Онъ не дѣлилъ землю, какъ должно между Киргизами водиться, между родами поровну, а самъ жаловалъ ее (изъ-за матеріальнаго ли вознагражденія, или за особенныя послуги — неизвѣстно) Киргизскимъ родамъ, своимъ приближеннымъ и родственникамъ и султанамъ, по собственному своему благоусмотрѣнію. Такимъ образомъ, лучшими землями и въ большемъ количествѣ, онъ или лично самъ пользовался, или награждалъ своихъ приближенныхъ, или надѣлилъ родъ Ногай, къ которому, несмотря на его не-Киргизское происхожденіе, ханъ весьма благоволилъ, или переуступилъ неравномѣрно другимъ родамъ: и въ слѣдствіе такихъ-то распоряженій открылось, что нѣкоторые роды до такой степени стѣснены были въ поземельныхъ угодьяхъ, что бѣднымъ Киргизамъ рѣшительно негдѣ стало пастись своимъ стадамъ и они начали искать убѣжища и пріюта у сосѣднихъ владѣльцевъ.

Умолчавъ объ этой основной причинѣ, ханъ Джангеръ писалъ, однакожь, въ своихъ запискахъ, слѣдующія весьма любопытныя вещи.

Отъ шести до семи тысячъ кибитокъ, со скотомъ отъ шести-сотъ до семи-сотъ тысячъ головъ, не имѣютъ мѣста на земляхъ, Орда

назначенныхъ, и зимуютъ на прибрежьи Каспійскаго-Моря, въ дачахъ наслѣдниковъ Князя Юсупова и Безбородки, гдѣ низменности, покрытыя камышомъ, и бугры, покрытые довольно хорошими травами, представляютъ единственныя мѣста для убѣжища имъ самимъ и для сохраненія и продовольствія скота. Съ 1801 года, Киргизы имѣли тамъ свои зимовки на всемъ протяженіи прибрежья, какъ на пространствѣ никѣмъ не заселенномъ, не занятъ никакимъ хозяйственнымъ заведеніемъ и никому не нужномъ; но съ 1834 года, послѣ возникшихъ со стороны мѣстныхъ владѣльцевъ требованій объ удаленіи оттуда Киргизовъ, мѣста эти, столь же, какъ и прежде, свободныя, отдаются Киргизамъ, во-первыхъ — по контрактамъ съ ханомъ за ежегодную оброчную плату, а во-вторыхъ — по особымъ, со стороны управляющихъ тѣми имѣніями, условіямъ, у одного — за извѣстную сумму денегъ, у другого — за накошеніе ста-тысяч сноповъ камыша, свозъ его на ватаги и за возку туда же владѣльческаго сѣна. Ежегодно, по неимѣнію мѣста въ Ордѣ, отъ пятидесяти до ста тысячъ лошадей «тебенюетъ» (пасется зимой на подножномъ корму) на чужихъ земляхъ Царевскаго и Новоузенскаго уѣзда и, кромѣ того, множество скота ищетъ зимняго пристанища и корма на земляхъ Уральскаго Казачьяго Войска, съ платою по полтинѣ мѣди съ лошади, по двугривенному съ верблюда и по гривнѣ съ барана.

Всѣ эти обстоятельства, скрываемыя годами, приведены были наконецъ въ извѣстность, и мѣры къ прочному благосостоянію народа приняты были несомнѣнныя.

Уничтоженіе ханской власти тѣмъ болѣе общаетъ выгодъ народу, что въ прежніе годы ханы эти, въ тишинѣ своей дали, забывая милости къ нимъ Русскаго Правительства, желавшаго мира и успокоенія, нарушали внутреннюю тишину — то несвоевременными нововведеніями того, что народу рано еще было усваивать, то болѣшимъ укоренѣніемъ старыхъ золь, нетерпимыхъ въ благоустроенныхъ обществахъ.

Подъ эту послѣднюю категорію надо подвести учрежденіе сбора, извѣстнаго подъ названіемъ «зекета» или «закята». Самъ Джангеръ говоритъ въ своихъ запискахъ, что «зекетъ есть принадлежность ханскаго достоинства повсюду, гдѣ только Киргизскій народъ имѣетъ хановъ». Но каждый, сколько нибудь знакомый съ нашимъ Востокомъ, знаетъ, что сборъ этотъ — неважный, кажется, по количеству (онъ составляетъ 2½ процента натурою, или деньгами, съ движимаго имущества) — чрезвычайно важенъ по идее. Зекетъ выражаетъ собою — «подать»; лицо, получающее зекетъ на свое имя, считается верховнымъ повелителемъ въ отношеніи къ тѣмъ, кто зекетъ этотъ платитъ: стало быть, Джангеръ, въ глазахъ своихъ Киргизовъ, считался не подданнымъ, не простымъ правителемъ, а

владѣтельною особою. Ту же мысль выражаетъ и утвержденіе имъ, отъ своего же лица мумъ въ ихъ должностяхъ, тогда какъ на этотъ предметъ Правительство наше установило особую власть — мухаммеданскаго муфтія. Но всѣ эти упущенія, относящіяся къ давнопрошедшему времени, заблаговременно были прекращены, и теперь Правительство руководить судьбами Киргизскаго народа и ведетъ его, по пути мира, тишины и спокойствія, къ прочному благоденствію.

Несмотря на кочевой бытъ Киргизовъ, у нихъ уже давно сдѣланы начатки къ осѣдлости. Поводомъ къ этому было слѣдующее обстоятельство.

Въ 1824 году, Джангеръ вступилъ въ брачное сожитіе съ дѣвицею мухаммеданскаго исповѣданія, но возросшею въ образованномъ обществѣ. Это была Фатъма, дочь тогдашняго Оренбургскаго муфтія. Молодые супруги весело проводили лѣтніе мѣсяцы въ кибиткѣ, подъ чистымъ степнымъ небомъ; но зима, которую Фатъма провела близъ Ходжетай, деревни Кундровскихъ-Татаръ, и опять-таки въ кибиткѣ, едвали показалась ханышѣ, привыкшей, въ отцовскомъ домѣ, ко всѣмъ удобствамъ порядочныхъ квартиръ, сколько нибудь сносною. Въ 1825 году, Джангеръ уѣхалъ въ Петербургъ одинъ и выхлопоталъ себѣ, отъ Монаршихъ щедротъ, весьма значительное пособіе, и на это-то пособіе Джангеръ и

поставилъ себѣ въ Нарынъ-Пескахъ сначала небольшой домикъ, а потомъ, выбравъ другое, удобнѣйшее мѣсто, нѣсколько восточнѣе прежняго, выстроилъ уже большой деревянный домъ. Примѣру хана послѣдовали приближенные къ нему богачи и султаны, и эта-то купа домовъ (въ точномъ значеніи слова «Орда») и получила названіе «Ставки» или «Ханской-Ставки»; а такъ какъ теперь хановъ нѣтъ, и между тѣмъ новые дома почти ежегодно пристраиваютъ, то селеніе это нынѣ просто называется «селеніе», или «сельцо Ставка». На Волгѣ есть сельцо «Тюменевка», такимъ-же образомъ выстроенное Калмыцкимъ Хошоутовскимъ владѣльцемъ Княземъ Тюменевымъ, на принадлежащей ему въ собственность землѣ; но Джангерову ставку «Джангеровкой» называть уже не приходится, во-первыхъ потому, что селеніе это, выстроенное на государственной землѣ, составляетъ достояніе Государственныхъ Имуществъ, а во-вторыхъ и потому, что названіе «ставки» чрезвычайно выразительно указываетъ на сосредоточеніе здѣсь главнаго мѣстнаго управленія, мѣсто общаго съѣзда всѣхъ родоправителей для отчетности.

Какъ обитатели большихъ городовъ зиму проводятъ на постоянныхъ своихъ квартирахъ, а на лѣто переселяются въ деревни, или на дачи, точно такъ и кочевыя племена имѣютъ, какъ мы уже имѣли случай замѣтить, два главныя мѣстопробыванія — лѣтнее и зимнее. И у Джангера, поэтому, были двѣ, вы-

строенныя домами, ставки: одна—зимняя, про которую мы уже упомянули, а другая—лѣтняя, на рѣкѣ Торгунѣ, выстроенная около 1841 года. Но такъ какъ кочевнику гораздо отраднѣе, удобнѣе и здоровѣе проводить лѣто въ кибиткѣ, нежели въ стѣнахъ закупо-реннаго зданія, то, весьма естественно, на рѣкѣ Торгунѣ Киргизы не спѣшили обстраивать-ся домами. Тамъ, говорятъ, не болѣе десяти домовъ, выстроенныхъ безъ печей и на ско-рую руку, между-тѣмъ какъ въ главной став-кѣ насчитываютъ до сотни—и хорошо выстро-енныхъ—домовъ и мазанокъ; кромѣ того, есть очень хорошая мечеть, множество лавокъ и кладовыхъ, а не вдалекѣ оттуда и помѣсти-тельный каравансарай съ 360 помѣщеніями для торговцевъ товарами.

Ханъ Джангеръ, въ запискахъ своихъ, го-воритъ такимъ-образомъ:

«Примѣръ, который я подалъ къ домооб-заведенію, и мои личныя убѣжденія побудили родоначальниковъ и нѣкоторыхъ старшинъ къ постепенному устройству, на зимовкахъ, домовъ и землянокъ съ нѣкоторыми хозяй-ственными принадлежностями. При дальнѣй-шихъ внушеніяхъ и убѣжденіяхъ очевидно-стію въ удобствѣ и пользѣ этого, Киргизы на-чали мало-по-малу устроить землянки. Стре-мленіе къ такимъ постройкамъ, при почти-все-гдашнихъ зимнихъ холодахъ, развилось столь быстро, особенно въ Нарынъ-Пескахъ и къ Малому - Узеню, что я самъ изумленъ былъ

многочисленностью землянок: число ихъ далеко заходитъ за тысячу. Каждый зажиточный Киргизъ думаетъ и старается, несмотря на трудность доставки и на дороговизну лѣса, сдѣлать себѣ землянку. Всѣ эти жилища въ Ордѣ можно раздѣлить на зимовыя ставки родоначальниковъ и зимовки старшинъ и простыхъ Киргизовъ. Первые находятся на зимовыхъ мѣстахъ, занимаемыхъ родоначальниками, и состоятъ изъ небольшого дома для самого родоначальника, и двухъ-трехъ землянокъ для другихъ помѣщеній и самыхъ необходимыхъ небольшихъ хозяйственныхъ построекъ. Вторыя расположены на участкахъ, назначенныхъ мною отдѣленіямъ родовъ для зимняго ихъ кочевья: эти зимовки состоятъ изъ глины и небольшихъ домовъ. На зимовки, султаны, старшины и Киргизы прикочевываютъ съ наступленіемъ осеннихъ холодовъ; кто имѣетъ дома или землянки—живетъ въ нихъ, а у кого ихъ нѣтъ, тотъ по прежнему живетъ въ кибиткѣ, до наступленія теплаго весенняго времени. Съ этой поры всѣ выходятъ со скотомъ на лѣтнія пастбища, въ степь, и кочуютъ опять до осени, до холодовъ.»

Въ селеніи Ставка живетъ много наѣзжихъ промышленниковъ изъ Казаковъ, Русскихъ мѣщанъ и купцовъ или ихъ прикащиковъ, и изъ Татаръ разныхъ наименованій. Торгъ здѣсь бываетъ постоянный, хотя и мелочной; но особенно значительныя операціи происходятъ здѣсь во второй половинѣ мая, во время на-

рочно учрежденной, съ 1852 года, «весенней ярманки», называющейся такъ въ отличіе отъ ярманки «осенней», тоже бывающей въ Ставкѣ.

Киргизы торгуютъ произведеніями своего скотоводства, живымъ скотомъ и издѣліями, отъ скота получаемыми, — въ Ставкѣ круглый годъ, а временами при Елтонскомъ-Озерѣ, подъ самою Астраханью, по Уральской-Линіи, отъ Кулагинской - крѣпости до Гурьева-городка; они гоняютъ скотъ и въ Самарскую, и въ Оренбургскую губерніи и частью за Волгу; мелкое торгашество живымъ скотомъ почти круглый годъ производится и въ самыхъ кочевьяхъ: поэтому, сказать что-нибудь похожее на правду, касательно общей совокупности всѣхъ этихъ сдѣлокъ, рѣшительно не возможно, а потому мы и ограничиваемся лишь приблизительными къ истинѣ свѣдѣніями объ однихъ только ярманочныхъ оборотахъ.

На весеннюю ярманку стекается множество народа: кромѣ Татаръ и Русскихъ торговцевъ, сюда наѣзжаютъ Уральцы, Донцы, Калмыки, Армяне и Хивинцы. Въ 1845 году, этихъ пріѣзжихъ было въ Ставкѣ до тысячи человекъ; въ 1847 — болѣе полутора тысячъ, а въ 1851 — болѣе двухъ тысячъ человекъ.

Разныхъ товаровъ, также хлѣба и живаго скота, продано было: въ 1837 году — на 235,000 р. сер.; въ 1845 — на 266,000 р. сер.; въ 1851 — болѣе чѣмъ на миллионъ р. сер.

Нельзя при этомъ не обратить вниманія на привозъ хлѣба разныхъ сортовъ, какъ-то:

Кш

муки, пшени и крупъ, не считая овса, привозимаго осенью. Продано его было:

годы.		рубль сер.	
въ 1845, весной		на 4,800	
— 1846, весной	четверти. 1,794 . .	— 4,664	за четверть. (по 2 р. 60 к.)
	пудъ. 21,674 . .	— 5,634	(— . — 26 —)
— 1847, весной	10,676 . .	— 3,736	(— . — 35 —)
	осенью 14,355 . .	— 4,120	(— . — 28 —)
— 1848, весной	4,000 . .	— 1,800	(— . — 45 —)
	осенью 7,915 . .	— 4,749	(— . — 60 —)
— 1849, весной	8,100 . .	— 4,455	(— . — 55 —)
	осенью 10,700 . .	— 4,815	(— . — 45 —)
— 1850, весной	8,272 . .	— 4,136	(— . — 50 —)
	осенью 6,520 . .	— 3,912	(— . — 60 —)
— 1851, весной	8,128 . .	— 4,877	(— . — 60 —)

Точно такъ же, какъ цѣны на хлѣбъ, возвысилась цѣна и на овесъ: въ 1847 году показана она въ 20 к. сер. за пудъ; въ 1849—въ 40 к. сер., а въ 1850 — въ 50 к. сер.

Кибиточныхъ жердей, въ 1845 году, продано на 2,000 р. сер., а въ 1846—1851 ихъ навезено болѣе 150,000 штукъ, съ небольшимъ на 4,000 р. сер., причемъ цѣны за одинъ годъ поставлены въ 10 р. сер., а за другой—только по 2 р. сер. за тысячу.

Что касается до живаго скота, то на ярманки его было пригнано головъ:

	1837		1847		1850	1851
	весной	осенью	весной	осенью	осенью	весной
лошадей .	492	404	697	426	750	647
рогат. скота	2,150	2,301	9,737	2,360	7,100	11,874
барановъ .	66,335	25,275	40,187	1,967	7,100	83,311
верблюдовъ	49	.	468	.	.	680

Цѣны на живой скотъ, въ 1851 году, были такія:

верблюды отъ 15 и не дороже	25 р. сер.		
конь . — 20	—	60	— —
пара быковъ .		50	— —
корова . — 6	—	15	— —
бараны . — 2	—	3	— —

Цѣны на прочіе товары стояли:

ржаная мука 3 р. 50 к. с.	} за кулъ въ 7 пудовъ.
пшеничная — 5 — . — —	
чай кирпичный 4 р. и 4 р. 43 к.	за кирпичъ.
жельзо . . . 2 р. сер.	за пудъ.
верблюжье сукно 75 и 90 к. сер.	за аршинъ.
холстъ самый грубый 6 к. сер.	
нанка . 13 — 15 к. сер.	
ситець . 15 — 25 — —	
платье . . . 23 — —	

Киргизы Внутренней-Орды, рознясь отъ Зауральскихъ Киргизовъ тѣмъ, что, будучи почти отовсюду окружены Русскими, болѣе ознакомились съ нашею гражданственностью и утратили диковатость и буйную воинственность своихъ зарѣчныхъ соплеменниковъ, по наружному виду мало отъ нихъ отличаются.

Киргизы, о которыхъ мы ведемъ рѣчь, въ-слѣдствіе брачныхъ сожителствъ съ соседями своими, Калмыками, усвоили своему племени Калмыцкій типъ, скуловатость и узковатость глазъ. Будучи мухаммеданами, они бръютъ себѣ головы, отпуская бороду и усы.

Все, что намъ приводилось въ предшествовавшихъ очеркахъ говорить про наряды единовѣрцевъ ихъ, кочующихъ по степямъ лѣва-

го берега Волги, почти все это, въ равной степени, можетъ быть отнесено и къ Киргизамъ, съ весьма немногими изъятіями.

Киргизы одѣваются въ длинныя ниже колѣны рубахи, въ шальвары, и поверхъ всего этого носятъ халаты, одинъ или два, а иногда и три, а также и бешметы. Непремѣнные же атрибуты каждаго Киргиза составляютъ — тюбетей, калпакъ и калта.

Настоящій киргизскій «тюбетей» есть твердая конусообразная шапка изъ краснаго сукна, обшитая по краю мѣхомъ, бобромъ или выдрой; околышъ этотъ выпускается повыше въ тѣхъ мѣстахъ, которыя приходятся надъ ухомъ. Иногда такіе тюбетей вышиваются серебряною или золотою канителью; иногда, вмѣсто краснаго сукна, они дѣлаются изъ парчи, или изъ глазета. Люди, которымъ достатки не дозволяютъ такой роскоши, носятъ обыкновенные Татарскіе тюбетей.

Калпакъ дѣлается изъ самаго тонкаго бѣлаго войлока, которымъ Букеевскія руководѣльницы славятся во всей Зауральской и Сибирской стени. Кошма эта очень нѣжна и на ощупь весьма похожа на полсти, изъ которыхъ, въ старые годы, выдѣлывались у насъ пуховыя шляпы. Калпакъ шьется изъ двухъ полотнищъ войлока, выкроеннаго такимъ образомъ, что кромѣ закругленныхъ задка и передка, по сторонамъ его выдаются углами два треуха, служащія продолженіемъ полей и приходящіеся у самыхъ висковъ. Шапка эта

надбвается на твердый тюбетей, и лунообразныя ея поля, смотря по степени силы солнечных лучей, болѣе или менѣе надвигаются на брови. У султановъ, эти бѣлые калпаки также вышиваются золотомъ; богатые люди носятъ и бархатные, обшитые позументами калпаки. По дороговизнѣ тонкой бѣлой кошмы, бѣднѣйшіе Киргизы довольствуются и грубой кошмой, но все-таки бѣлаго цвѣта. Зимой, разумѣется, калпаковъ не носятъ: тогда въ дѣло идетъ уже просторный Киргизскій «малахай».

Калта есть кожаная сумка, которая непременно у каждаго Киргиза привѣшена къ поясу на лѣвой сторонѣ: здѣсь хоронитъ онъ кремень, трутъ, табакъ и огниво, если вмѣсто его не служить особенная стальная тоторочка калты. Рядомъ съ нею привѣшенъ и домашней работы ножъ на длинномъ черешкѣ, запрятанный въ твердыя кожаныя ножны.

Дѣвицы заплетаютъ волосы отъ висковъ въ мелкія косички и распускаютъ ихъ напередъ, а сзади выпускаютъ одну косу, украсивъ ее разными блестящими привѣсками и, кромѣ того, повязываютъ голову краснымъ платкомъ, на-маперъ чалмы. Въ богатыхъ семействахъ, дочери носятъ конусообразныя шапки, отороченныя мѣхомъ.

Обыкновенный головной нарядъ у женщинъ составляютъ два большіе бѣлые платка: одинъ, спускаясь съ головы, закутываетъ шею и плечи Киргизки и скрываетъ ея волосы отъ постороннихъ взглядовъ, а другой навертывается по-

верхъ перваго на голову и представляетъ родъ высокой шапки, сваливающейся нѣсколько на сторону, отъ грубости и тяжести матеріи сравнительно съ высотой наряда. Въ торжественныхъ случаяхъ, женщины надѣваютъ твердый калпакъ, въ формѣ усѣченного конуса. Онъ обшивается глазетомъ и фольгой, украшается золотыми и серебряными монетами и самоцвѣтными камнями и блещетъ разными, въ нѣсколько ярусовъ, свѣтящимися привѣсками. Къ верхней части пришивается кусокъ кисеи или тонкаго каленкора, и это покрывало спускается сзади вдоль спины, а частию падаетъ и на плечи.

Шея, руки и грудь увѣшены звонкими перстнями и ожерельями, прѣнизками (стеклярусомъ), бусами, жемчугомъ и монетами. Когда знатная барыня важно выступаетъ по степи, или расхаживаетъ по кибиткѣ, то отъ твердой и увѣсистой ея поступи, шествіе ея издалека можно слышать: разныя привѣски, металлическія бляхи и цѣпочки звонко и дружно вторятъ мѣрной ея походкѣ.

Безъ торжественныхъ калпаковъ, Киргизка свободна въ движеніяхъ и привѣтлива въ обращеніи съ мужчинами. Зауральскія женщины, по патріархальности своихъ добродѣтелей, очень свободны въ сношеніяхъ своихъ съ нашимъ поломъ; но чѣмъ ближе мухаммеданинъ-кочевникъ свыкается съ осѣдlostію, тѣмъ скорѣе онъ, такъ сказать, отатаривается: женщины дичатся мужчинъ и скрываютъ лицо

свое подъ фатой или халатомъ, хотя принужденное стѣсненіе имъ и самимъ не нравится.

Женскій полъ во Внутренней-Ордѣ не дошелъ еще до той степени затворничества, которому обречены Татарки, и потому, въ домашнемъ быту, онѣ очень развязны и радушны; но, въ семейномъ быту, Киргизку и нельзя заподозрить въ той удалости, какая проявляется только во время перекочевокъ и въ рѣдкихъ случаяхъ, при народныхъ играхъ. Надо взглянуть на дѣвицу, когда она, взгромоздившись верхомъ, по нашему, на лихаго коня, мчится по степи, подзадоривая бѣгуна легкимъ подогрѣваніемъ ногойкой, мастерски управляетъ его бѣгомъ и при внезапныхъ оборотахъ дивитъ зрителя привычнымъ своимъ безстрашіемъ, легкостью и ловкостью.

Киргизы, какъ и всякое кочевое племя, существуютъ настоящею своею жизнью только до тѣхъ поръ, пока у нихъ обширно еще скотоводство, обширны еще пастбища. Безъ скота и при малоземельѣ, кочевка невозможна, а жить надо: для этого, номадъ прощается съ прежнимъ бытомъ, принимается за соху и борону, и перерождается, подъ вліяніемъ окружающихъ его обстоятельствъ, въ осѣдлаго труженика, въ мирнаго гражданина.

или, какъ Калмыки сами называютъ — *Дербюнз-Ойрюмз*, слово-въ-слово — «Четырехъ-союзіе», или политическую связь четырехъ племенъ, именно Дзюнгаровъ, Тергетовъ или Торгоутовъ, Хошоутовъ и Хобитовъ.

Первоначально, къ намъ, въ Россію, прикочевали Тергеты, въ составъ которыхъ, въ-слѣдствіе различныхъ сдѣлокъ и брачныхъ связей и свойства главныхъ предводителей народа между собою, вошли частички и другихъ племенъ. Отрали этихъ племенъ, оставшіяся на первоначальныхъ мѣстахъ своихъ кочевокъ, и сами, въ-послѣдствіи времени, переходили изъ дальнихъ краевъ на тучныя пажити Волжскихъ-Низовьевъ.

Занимая эти Низовья болѣе столѣтія, Калмыки стали, частями, другъ-отъ-друга отдѣляться: одни — потому, что уходили обратно къ Алтаю и за Алтай; другіе — отъ того, что находили себѣ выгоднѣйшія пристанища болѣе къ западу, за Волгой; третьи, наконецъ, потому, что религіозныя убѣжденія привуждали ихъ отдѣляться отъ своихъ сородичей и перемѣнять прежній свой бытъ и прежнюю вѣру на вѣру Христіанскую и на новый образъ жизни.

За отчисленіемъ отъ общей массы совокупно-кочевавшихъ по низовьямъ Волги Калмыковъ, тѣхъ изъ нихъ, которые перешли на другія мѣста въ Россіи же, или внѣ Россіи, на Волгѣ осталась смѣсь племенъ, составлявшихъ прежнее Ойратство и теперь перемѣ-

шанныхъ такимъ-образомъ, что между Хошоу-тами мы находимъ и племя Хобитовъ, между Хонтами—Дзюнгартъ, между Торгоутами—и Хошоутовъ и Дзюнгартцевъ. Смѣсь эта усилилась преимущественно въ 1772 году, когда, послѣ откочеванія изъ предѣловъ Россіи Калмыцкаго Хана Убуші, съ многочисленными семьями подвластнаго ему народа, Калмыки розданы были ихъ Тайшамъ не поплеменно, а въ томъ составѣ, въ какомъ они, съобща, вмѣстѣ съ другими своими единовѣрцами, занимали извѣстный участокъ Волжскихъ степей.

Въ настоящее время, у Волжскихъ Калмыковъ—девять главныхъ отдѣльныхъ группъ народа, образующихъ, каждая, отдѣльное цѣлое и именующихся *улусами*. Улусы эти суть:

1. Багацохуровскій. Онъ состоитъ преимущественно изъ Калмыковъ Торгоутскаго поколѣнія.

2. Икицохуровскій. Главную его часть составляютъ Торгоуты; но въ немъ есть осколки и Хошоутовъ и Дзюнгартцевъ.

3. Малодербѣтевскій и

4. Большедербѣтевскій: оба, по большей части, состоятъ изъ Калмыковъ Дзюнгартскаго племени.

5. Хошоутовскій. Существенную его часть составляютъ Калмыки Хошоутовскаго племени; но въ нихъ есть и отрасли племени Хобитовъ и Дзюнгартцевъ.

6. Яндыковскій.

7. Еркете́невскій.

8. Хараху́совскій и

9. Ергене́-Цага́нъ-Кичи́ковскій или, сокращенно, Ердене́вскій.

Всѣ эти четыре послѣдніе улуса, въ существенномъ своемъ составѣ, принадлежатъ къ племени Тергѣтъ.

Большая часть Волжскихъ Калмыковъ составляютъ собственность Казныи, именуясь улусами «казенными», управляются, назначенными отъ Короны, Правителями, которые управляютъ Калмыками на общихъ законахъ, подъ непосредственнымъ вѣдѣніемъ Астраханской Палаты Государственныхъ Имуществъ. Другіе же улусы, каковы на-примѣръ Дербетевскій, Хошоутовскій и Харахусовскій, считаются принадлежащими, по праву наслѣдства, «благороднымъ», «бѣлокостнымъ» кореннымъ Калмыцкимъ владѣтелямъ, которые именуются «Нойдо́нами» и «Владѣльцами»: они, точно такъ же какъ и коронные «Правители», непосредственно зависятъ отъ той же Палаты Государственныхъ Имуществъ.

Есть еще нѣсколько мелкихъ, малочисленныхъ по народонаселенію, улусовъ: въ системѣ управленія, они за отдѣльное цѣлое не считаются, а подъ названіемъ «подвѣдомственныхъ мелкопомѣстнымъ Владѣльцамъ» — причисляются къ другимъ, обширнѣйшимъ улусамъ, Хошоутовскому и Икицохуровскому.

Точно такимъ-же образомъ, въ видахъ управленія, надзора и распорядка за улусами

Харакусовскимъ и Ергене-Цаганъ-Кичиковскимъ (Ерденіевскимъ), оба они соединены въ-одно, подъ сложнымъ наименованіемъ Харакусо-Ерденіевскаго улуса.

Съ тою же благонамѣренною цѣлію наблюденія и попеченія за обьѣднѣвшими и, для отъисканія домообзаводства и работъ на рыболовныхъ промыслахъ, за удалившимися въ глушь Прикаспійскаго-Края, на сѣверо-западное побережье Каспія, въ такъ-называемые «Мочагіи», и за плущими тамъ пріюта Калмыками, учрежденъ родъ отдѣльной Управы, и всѣ Калмыки, постоянно тамъ пребывающіе, составляютъ особую, независимую отъ прочихъ, группу такъ-называемыхъ «Мочажныхъ Калмыковъ». Въ эту группу стекается народъ изъ всѣхъ Калмыцкихъ кочевьевъ; тамъ мы найдемъ представителей всѣхъ отраслей улусовъ и владѣльческихъ и казенныхъ, кромѣ Маюдербетевскаго, Большедербетевскаго и Хошоутовскаго.

У Калмыковъ, съ древнихъ временъ, существуетъ сборъ, именующійся *албангъ*, на нужды народа, или какъ Калмыки выражаются *нутугинъ гарудъ*, то-есть на нужды *нутука*; «нутукомъ» же называлась земля, состоявшая подъ кочевьемъ цѣлаго поколѣнія. Правители такихъ поколѣній, именовавшіеся прежде *Тайшами*, а въ-послѣдствіи времени просто *Нойонами*, обратили *албангъ* въ денежный сборъ и не на нужды народа, а на собственные надобности. Болѣе и болѣе пользуясь пред-

ставлявшимися обстоятельствами, они *албанъ* этотъ увеличивали произвольно; но, съ 1825 года, законодательство наше положило предѣлъ такому произволу, и взысканіе *албана*, въ смыслѣ оброка, ограничено 25 руб. асс. Нынѣ цифра эта остается неизмѣнною (7 руб. 14 коп. сер.): въ казенныхъ улусахъ, *албанъ* этотъ вносится въ Казну, а въ улусахъ владѣльческихъ — въ доходъ Нойона, Владѣльца.

Самый интересный, но вмѣстѣ съ тѣмъ и чрезвычайно трудный предметъ для наблюденій изслѣдователя, составляетъ добросовѣстное дознаніе настоящихъ мѣстъ кочевья, системы перекочевокъ и распредѣленія земель у кочеваго народа. Мы часто слышимъ и въ разговорахъ, а иногда читаемъ и въ серьезныхъ книгахъ, что «*номады кочуютъ сегодня — тамъ, завтра — здѣсь, бродятъ по степи безъ толку и сами не знаютъ, куда судьба заведетъ ихъ завтра*». Въ этихъ фразахъ нѣтъ ни одного слова правды.

Что можетъ быть для человѣка драгоценнѣе, какъ не земля, на которой онъ живетъ и безъ которой онъ существовать не можетъ? Положимъ, что *номады* — полудикари, или почти-что просто дикари; но неужели можно допустить мысль, чтобы они вовсе не дорожили тою дарованной имъ отъ Правительства землей, на которой пасутся ихъ стада и отъ тучности и щедрости которой зависить все благосостояніе кочевниковъ? Слова, что «*нынче здѣсь кочуютъ такіа-то племена, а на будущій годъ,*

«можетъ-быть, здѣсь будутъ кочевать другія», что «въ этой перекочевкѣ никто не доберется толку» — слова эти не заслуживаютъ ни малѣйшей вѣры. Нужна только добрая воля, нужно только сердечное желаніе узнать истину, и въ Калмыцкой перекочевкѣ, въ перекочевкѣ Киргизовъ и другихъ народовъ мы найдемъ строгую послѣдовательность, строгую систему, которая докажетъ, что порядокъ и гармонія господствуютъ и здѣсь, какъ и во всемъ мірѣ.

Начнемъ съ зимы. Зимой, наши кочевники по-большей-части «сидятъ» на одномъ мѣстѣ: они разставляютъ кибитку и обносятъ ее хорошимъ загономъ, который, въ одно время, и защищаетъ стада и предохраняетъ утлое жилье кочевника отъ бурь и непогодъ зимою. Мелкій скотъ бережется около кибитки, вѣсть заблаговременно-заготовленное для него сѣно, или пасется тутъ же вблизи, на подножномъ корму, что по-просту называется «тебенюеть». Но тебенёвка эта, для рогатаго скота и для барановъ, бываетъ только въ-продолженіе дня: на-ночь скотъ собируется въ загоны. Однѣ лошади тебенюютъ день и ночь на отгонныхъ поляхъ, болѣе-или-менѣе въ дальнемъ разстояніи отъ кибитокъ кочевниковъ.

Но если земля такъ тучна и пастбища такъ богаты, что ни сѣна запастись не надо, ни голомедицы опасаться нельзя, и если корму весьма-и-весьма для скота достаточно, въ такомъ случаѣ и кочевники, зимой, не сидятъ

на одномъ мѣстѣ, а—кочуютъ. Что это значитъ, мы объяснимъ сейчасъ же, взявъ для примѣра семью, на зиму укрывающіяся въ постоянныя «зимовки».

Весной, когда сойдетъ снѣгъ, когда только-лишь проглянетъ молоденькая травка, кочевники «снимаются», покидаютъ свои зимовки, собираютъ кибитки и какъ ихъ, такъ и весь домашній скарбъ, выючатъ на верблюдовъ, а гдѣ они перевелись—на воловъ, а нѣто и на лошадей. Они трогаются съ мѣста и идутъ въ путь, по направленію, изстари избранному и долгими годами усвоенному привычкой.

Сдѣлавши версты три, верстъ пять и даже десять впередъ, Татарскій *айулъ*, или Калмыцкій *хотонъ* (то и другое означаетъ группу нѣсколькихъ, близкихъ по родству или по единству интересовъ, семей)—останавливается. Въ ту же минуту, мужчины, признавшіе такое мѣсто удобнымъ для ставки (разумѣется, если на немъ видится достаточное количество кормовыхъ травъ и колодцевъ съ запасами воды)—принимаются за свое дѣло и распредѣляютъ скотъ на пастбища: табунамъ лошадей отводятъ одно мѣсто, барановъ ведутъ въ другую сторону, а если рогатаго скота много—то и его отгоняютъ на отдѣльный мугъ.

Пока эти распоряженія совершаются, женщины разбиваютъ кибитки, разставляютъ въ нихъ домашній свой скарбъ и готовятъ мужьямъ пищу, хлопочутъ по хозяйству и, въ опре-

дѣленное время, доятъ кобылицъ, коровъ и овецъ, для которыхъ мужья подчищаютъ колодцы и наполняютъ водою водопойныя корыта. Въ остальное время занимаются другими отраслями кочеваго домоводства, шьютъ платья, чинятъ кибитки, готовятъ обувь, вяляютъ войлоки, заготавливаютъ на-прокъ разные запасы.

Черезъ недѣлю, иногда больше, а иногда и меньше времени, когда скотъ вытравить и уничтожить всю траву, произраставшую по окрестностямъ, *аулъ* или *жотонъ* снимается съ одного урочища и переходитъ на другое, опять верстахъ въ пяти, въ семи, дальше или ближе отъ перваго. И такъ они проводятъ дни за днями, недѣли за недѣлями, и мѣсяцы за мѣсяцами.

Къ исходу лѣта, они достигаютъ крайней оконечности того пути, которому изъ года въ годъ постоянно слѣдуютъ, и въ августѣ, а иногда и въ началѣ сентября, обращаются назадъ, иногда по тому же самому направленію пути, иногда по другому, причемъ описываютъ уже новую дугу. Но если они и останавливаются при тѣхъ же колодцахъ, при которыхъ въ передній путь поили скотъ свой, то пастбища ему выбираютъ уже не на прежнихъ клочкахъ земли, гдѣ выбитая однажды мѣстность уже не богата кормовыми травами, а на урочищахъ, могущихъ доставить стадамъ и табунамъ обильную пищу. И такимъ-образомъ, къ концу осени, всѣ кочевники достигаютъ

постоянныхъ своихъ зимовокъ, куда доставляютъ и запасы сѣна, во время передняго пути заблаговременно исподоволь изготовленнаго.

Ту линію дороги, по которой слѣдовали одни роды, другіе роды перекрещиваютъ линіями своихъ путей, въ различныхъ направленіяхъ; но, на обычныхъ привалахъ одного рода, другой не будетъ останавливаться: во-первыхъ потому, что родъ, которому данная мѣстность принадлежитъ *de jure primis occupantis*, по праву освященныхъ временемъ привычекъ и обычаевъ пользованія, самъ первый займетъ собственную свою мѣстность; во-вторыхъ — этимъ самымъ, законнымъ, овладѣніемъ постоянныхъ своихъ урочищъ каждый родъ самъ истравитъ всѣ пастбищныя окрестъ-лежащія мѣста и, естественнымъ путемъ, сдѣлаетъ ихъ неспособными для занятія чужеродцами; а въ-третьихъ, наконецъ, и сами чужеродцы, въ простотѣ своихъ патріархальныхъ нравовъ, не посмѣютъ и подумать овладѣть тѣмъ, что, по издавна освященному временемъ обычаю, принадлежитъ не имъ самимъ, а есть для нихъ — чужое, не-мое.

Въ-слѣдствіе этихъ-то трехъ главныхъ, основныхъ причинъ, какъ всѣ степныя пространства чрезвычайно — расчетливо распределены вообще между улусами, такъ и въ самыхъ улусныхъ кочевьяхъ, всѣ мѣстности распределены между родами и отдѣлами родовъ. И такъ, кто знакомъ съ жизнію кочевниковъ,

кто сроднился съ ихъ правами, кто хорошо изучилъ ихъ кочевныя мѣста, всегда съумѣетъ отвѣтить, гдѣ именно, въ данное время, не только улусъ, а родъ, и даже отдѣльная, замѣчательнѣйшая по числу лицъ, часть рода кочуетъ.

Конечно, все, здѣсь нами изложенное въ видѣ общаго правила, имѣетъ, какъ и всякое общее правило, свои исключенія: противъ этого сказать нечего, потому-что исключенія эти весьма естественны и бываютъ вынуждены какими-нибудь особенными обстоятельствами, болѣе-или-менѣе уважительными.

Сдѣлавъ такое объясненіе дѣла, мы постараемся, на основаніи произведенныхъ нами на мѣстѣ устныхъ распросовъ, распутать довольно запутанный узелъ касательно распределенія степей, лежащихъ по обоимъ берегамъ Волги, вплоть до рѣки Кумы и Егорлыка, между обитающими на нихъ улусами Калмыковъ и сословіями другихъ кочевниковъ, сосѣднихъ съ Калмыками. Хотя трудъ нашъ будетъ и первымъ еще опытомъ, мы надѣемся однакожь, что указанія наши будутъ весьма близки къ истинѣ.

Начнемъ съ рѣки Кумы. Оводъ и комары, которые водятся на рѣкѣ Кумѣ, буквально, въ страшномъ обиліи, служатъ естественнымъ и непреодолимымъ препятствіемъ къ тому, чтобъ наши кочевники когда-нибудь рѣшились провести съ своими стадами здѣсь лѣтнее время.

Народъ прибываетъ сюда никакъ не ранѣе октября мѣсяца, а иногда даже и въ ноябрѣ. Калмыки проводятъ здѣсь время только зимой, и то по самымъ берегамъ Кумы, начиная отъ извѣстнаго селенія Владиміровки, принадлежащаго помѣщику Реброву и почти до впаденія Кумы въ море. На этомъ пространствѣ зимуютъ Калмыки улусовъ Малодербетевскаго, Большедербетевскаго, большая часть Икицохуровскаго и небольшіе отдѣлы другихъ улусовъ.

Невдалекѣ отъ селенія Владиміровки, возлѣ нарѣзка, принадлежащаго станицѣ (не казачей, а крестьянской) Урожайной, находящейся въ четырехъ верстахъ отъ такъ-называемаго Крымскаго-Брода, бываетъ постоянная зимняя ставка отдѣльной части Малодербетевскаго улуса. Ниже Крымскаго-Брода, на стрѣлкѣ, образуемой рѣками Кумой и Гуйдүкомъ, слѣдовательно ниже такъ-называемой *Джиланг-Кишу*, или «Змѣиной-Переправы», бываетъ постоянная зимняя ставка Икицохуровскаго улуса. Ниже этого мѣста, кочевокъ не бываетъ, потому-что здѣшніе сыпучіе пески вовсе негодны для пастбы скота. Только въ самыхъ устьяхъ Кумы и въ прилежащихъ къ нимъ мочагахъ, верстѣ на двадцать на сѣверъ отъ Кумы, бываетъ постоянная зимняя ставка Эркетеневскаго улуса. Слово «ставка» мы принимаемъ въ смыслъ центрального улуснаго стойбища: изъ этого должно быть понятно, что улусныя кочевья раскинуты окрестъ ставки въ болѣе-или-менѣе дальнихъ разстояніяхъ.

Въ мочагахъ, какъ мы уже прежде замѣтили, лѣто и зиму живутъ бѣднѣйшіе, неимѣющіе средствъ кочевать по степи, по недостатку наличнаго скота и по разнымъ случайностямъ, сходцы почти изъ всѣхъ улусовъ. Здѣсь же, въ мочагахъ, поюжиѣ селенія Зинзиль, обитаемаго переселившимися сюда въ старые годы Казанскими Татарами, невдалекѣ отъ одной Русской крестьянской станицы, бываютъ постоянныя зимнія ставки улусовъ Харахусовскаго и Яндыковского; а если отмѣрить отсюда верстъ 70 къ западу и верстъ по 50 къ сѣверу и къ югу, то мы получимъ участокъ, составляющій зимнее и лѣтнее кочевье цѣлаго Яндыковского улуса и, вмѣстѣ съ тѣмъ, зимнее кочевье улусовъ Еркетеневскаго и Харахусовскаго, которыхъ незначительные осколки остаются здѣсь и на лѣто, на изстари занятыхъ урочищахъ; но главная масса Еркетеневцевъ на лѣто откочевываетъ еще западнѣе, а Харахусовцы поднимаются гораздо сѣвернѣе и нѣкоторыми своими частями достигаютъ до города Чернаго-Яра. Тутъ же, въ мочагахъ и въ прилегающихъ къ нимъ съ сѣвера и съ сѣверо-запада пространствахъ, кочуютъ часть Юртовскихъ-Татаръ, небольшая часть Туркменовъ и Татары Бухарскаго-Двора.

Къ сѣверу отъ пространства, занятаго зимними кочевьями Яндыковъ, Еркетеневцевъ и Харахусовцевъ, почти вплоть до города Енотаевска, часть степи праваго берега Волги со-

ставляетъ зимнее кочевье Хошоутовскаго улуса. Главная зимняя его ставка находится на другой сторонѣ Волги, въ сельцѣ Тюмёневкѣ, принадлежащемъ, на вотчинномъ правѣ, Владѣльцу того улуса Князю Тюмёневу. Противъ этого мѣста, въ Заволжской-Степи, по лѣвому берегу Ахтубы, есть отдѣльный наръзокъ земли, составляющей лѣтнее кочевье Хошоутовскаго улуса, а сѣвернѣе его есть еще новый наръзокъ, прилегающій къ горѣ Большая-Богдо; но здѣсь, вообще по неудобству для пастбища, потому-что тутъ и травы скудны и тощи и воды вовсе нѣтъ, никто не кочуетъ: изрѣдка только заходятъ нѣкоторые отдѣлы родовъ Хошоутовскаго же улуса. —

Этотъ послѣдній участокъ лежитъ выше лѣтняго кочевья Хошоутовъ, а ниже этого лѣтняго Хошоутовскаго кочевья, по остальному протяженію Ахтубы, вплоть до города Краснаго-Яра, выклинивается, въ видѣ треугольника, западною своею стороною примыкающаго къ Хошоутовскому лѣтнему кочевью, еще участокъ, составляющій принадлежность Кундровскихъ-Татаръ: на этомъ участкѣ, какъ намъ извѣстно уже изъ предшествовавшихъ «Очерковъ», кочуютъ, кромѣ этихъ Татаръ, еще Туркмены Астраханскаго Вѣдомства, Каракалпаки и часть Юртовскихъ-Татаръ.

Если съ луговой стороны Волги мы перенесемъ опять на нагорную, то, близъ города Чернаго-Яра, встрѣтимъ отрѣзокъ степи, занятый лѣтними кочевьями улусовъ Икицоху-

ровскаго и Харахусовскаго: мѣста лѣтней ставки мы здѣсь не отмѣчаемъ, потому-что лѣтомъ она бываетъ не постоянная. Бѣднѣйшіе Калмыки этихъ двухъ улусовъ, на зиму, укрываются въ перелѣскахъ, или, вѣрнѣе сказать, въ рощицахъ, по занимаемымъ рѣки Волги. Но, такъ какъ всѣ берега Волги и ея притоковъ заняты парѣзками, принадлежащими селеніямъ Русскихъ, крестьянъ и Казаковъ, то сіи послѣдніе пользуются правомъ заправки Калмыцкихъ земель на пятнадцать верстъ въглубь степи, начиная отъ границъ своихъ селеній. Болѣе состоятельные Калмыки на зиму удаляются на указанные уже нами прежде зимовки: Икицохуры—на Куму, Харахусовцы—на западъ отъ Хошоутовскаго зимняго кочевья, гдѣ и проводятъ холодные мѣсяцы года, вмѣстѣ съ Еркетеневцами.

Часть степи, восточною своею стороною примыкающая къ пространству, лежащему между городами Чернымъ-Яромъ и Енотаевскомъ, составляетъ лѣтнее и зимнее кочевье Багацохуровскаго улуса, главная зимняя ставка котораго бываетъ на Волгѣ, между казачьими станицами Копановкой и Вѣдлинской.

На длинной и узкой, но постепенно расширяющейся полосѣ, тянущейся отъ села Райгородка на югъ къ рѣкѣ Кумѣ и раздѣляющей поименованныя нами кочевья Харахусовъ, Икицохуровъ, Багацохуровъ и Хошоутовъ, отъ западныхъ границъ Астраханскихъ степей, граничащихъ съ Землею Войска-Донскаго, — зиму и

лѣто бродятъ разноулусники, самобѣднѣйшіе сходцы какъ изъ казенныхъ, такъ и изъ владѣльческихъ улусовъ. Остальная же часть степи между этими разноулусниками и Донскими предѣлами, вплоть до самаго Маныча, есть зимнее и лѣтнее кочевье Малодербетевского улуса: участокъ этотъ замѣчателенъ тѣмъ, что черезъ него проходитъ такъ-называемый «коммерческій трактъ», все болѣе-и-болѣе заселяемый станицами государственныхъ крестьянъ; близъ одной изъ нихъ, именно Тундѣтовой, постоянно бываетъ зимняя ставка Калмыковъ этого улуса.

По этой коммерческой дорогѣ, направляющейся изъ посада Дубовки, черезъ Царицынъ, въ Ставропольскую губернію на Кавказъ, и ведущей черезъ возвышенности Ергенѣ, кочуютъ исключительно одни Калмыки-Малодербетевцы; зажиточнѣйшіе изъ нихъ занимаютъ мѣста по рѣчкамъ Амтѣ, Загестѣ, Джурѣ, при оврагахъ Кресты, близъ родниковъ Кицѣмъ-Булѣкъ и преимущественно близъ урочища Амтанѣръ, не вдалекѣ отъ станицы Приютной, гдѣ зимою, какъ говоритъ и самое названіе станицы, бываетъ почти всегдашній «приютъ» для Калмыцкаго скота: травы здѣсь чрезвычайно высоки и сочны. Причины, объясняющія постоянное и огромное стеченіе скота именно въ этомъ мѣстѣ, заключается не столько въ хорошихъ кормахъ, сколько въ томъ, что у рѣки Маныча, протекающаго здѣсь частію солонцеватою, а частію песчаною мѣст-

ностью, снѣгъ не держится: поэтому, и въ самыя лютыя зимы, какъ бы ни были обильны снѣга, скотъ здѣсь меньше подвергается опасности падежа.

По этому случаю, не лишне замѣтить, что упоминаемая дорога, ведущая изъ Царицына, черезъ Сарепту, на Кавказъ, идетъ по западному берегу озера Барманцака, далѣе чрезъ устья рѣчекъ Альтаты, при которой бываетъ зимняя ставка Малодербетевцевъ, Ялматы, Амта-Зельмѣнь, потомъ чрезъ вершины овраговъ Арша-Зельмѣнь, Конкрюнь, черезъ рѣчки Якшибай, Амтѹ и Загестѹ. Затѣмъ, пройдя еще четыре версты Калмыцкими землями, она сворачиваетъ въ предѣлы Земли Донскаго Казачьяго Войска, идетъ тамъ на протяженіи сорока верстъ, потомъ снова выходитъ на улусную землю и направляется черезъ рѣчку Джурукъ, овраги Кресты, родники Кицымъ-Булукъ, ерикъ Ноинъ-Шарѣ и рѣчку Манычъ и далѣе, по лѣвому берегу Калауса. О вліяніи новыхъ заселенныхъ мѣстъ на зажиточность кочевавшихъ здѣсь Калмыковъ, на благосостояніе фурщиковъ и чумаковъ, на провозныя цѣны, и слѣдовательно и на торговлю—говорить здѣсь не мѣсто.

По этому коммерческому тракту везутъ на Кавказъ хлѣбъ, лѣсъ, спиртъ, желѣзо, артиллерійскія орудія и снаряды. Близъ зимней ставки Малодербетевцевъ, отъ этого пути отдѣляется влѣво другой трактъ, именуемый Томскою-дорогой, потому-что при Циціановѣ

ее проложили Томскій пѣхотный полкъ. Она идетъ мимо бассейна рѣки Сарпы, состоящаго изъ озеръ и плёсовъ, и направляется въ Пятигорскій уѣздъ. По этой дорогѣ, въ коммерческомъ отношеніи замѣчательной тѣмъ, что по ней Калмыки гоняютъ барановъ въ Царицынъ (лошадей гонять не по этой дорогѣ, а прямо степью, по извѣстнымъ всякому кочевнику урочищамъ), кочуютъ тоже разноулусники, и Дербетевцы, и Яндыковцы, и Икицохуры.

По обѣимъ сторонамъ рѣки Калауса кочуютъ Ногайцы, извѣстные подъ названіемъ Калаусо-Джембулукцевъ: скотъ свой они перегоняютъ съ мѣста на мѣсто, а аулы располагаютъ на постоянныхъ мѣстахъ.

По этой же рѣкѣ Калаусъ, но ближе къ впаденію ея въ рѣку Манычъ, и по самому Манычу, кочуютъ Туркмены Кавказскаго Вѣдомства. Они, по льду, приходятъ сюда съ Кумы не надолго, и съ конца мая бываютъ здѣсь не далѣе, какъ до іюля мѣсяца; потомъ двигаются къ рѣкѣ Егорлыку и къ Большому-Лиману; достигнувъ до Цаганъ-Нура, или Бѣлаго-Озера, поворачиваютъ назадъ, и къ октябрю мѣсяцу, являются на свои мѣста, на правый берегъ Кумы, ниже Зиланъ или Джиланъ-Кишъ, гдѣ, слѣдующею весной, переправляются черезъ рѣку, по-прежнему, по льду.

Кромѣ этихъ Туркменъ, между правымъ берегомъ Кумы и станицами полковъ Горска-

го, Моздокскаго и Гребенскаго (Кавказскаго Линѣйнаго Казачьяго Войска) кочуютъ еще Аджикулѣкъ — Джембулѣковскіе Ногайцы (полукочевые) и Кара-Ногайцы. Калаусо-Джембулѣковцы и Туркмены прочно занимаютъ, по Калаусу, мѣста, предназначенныя къ заселенію государственными крестьянами.

Южнѣе Калаусо-Джембулѣковцевъ, въ урочищѣ Айгүрѣ, неподалеку отъ селенія Медвѣдскаго, между селеніями — Петровскимъ, Ставропольскаго уѣзда, и Медвѣдскимъ — Пятигорскаго, кочуютъ Шерѣтовскіе-Татары, или отатаренные въ Крыму Калмыки, выведенные изъ Крыма Суворовымъ. Объ этихъ племенахъ мы не распространялись потому, что они не входятъ въ семью народовъ, занимающихъ степи, прилежающія къ Низовьямъ Волги.

Лѣтомъ на Манычѣ, а зимой на Кумѣ, пасетъ значительные табуны скота, преимущественно лошадей, Кизлярскій купецъ Гамбаровъ, изъ платимаго, кому слѣдуетъ, оброка. По разливу Маныча, именуемому «Большой-Лиманъ», все солонцы, и тутъ никто не кочуетъ. Добыча соли здѣсь предоставлена, какъ извѣстно, Донскому Казачьему Войску, которое и имѣетъ тутъ Соляную Контору.

Часть степи, прилежающая съ одной стороны къ рѣкѣ Егорлыку, съ другой къ Большому-Лиману, съ третьей къ Калаусу (частію въ Ставропольскомъ, а частію въ Пятигорскомъ

уѣздахъ), составляетъ зимнее и лѣтнее кочевье Больше-Дербетевскаго улуса, котораго постоянная зимняя ставка находится у самаго Егорлыка.

Въ Калмыцкомъ народѣ мы встрѣчаемъ три сословія, признанныя нашимъ законодательствомъ, съ предоставленіемъ имъ различныхъ правъ состоянія. Первые суть — Нойоны, пользующіеся правами дворянства; вторые — Зайсанги, пользующіеся, смотря по различію присвоенныхъ имъ степеней въ управленіи, правами почетнаго гражданства, личнаго или потомственнаго; третьи, наконецъ, суть простые, «черные», «чернокостные», «неблагорожденные» Калмыки, пользующіеся одинаковыми правами со всѣми сельскими обитателями. Есть еще четвертое сословіе — духовенство. Калмыцкіе духовные, по правиламъ исповѣдуемаго ими Буддизма, лишены права вступленія въ бракъ. Храмы Калмыцкіе называются *хурулами*, а самое духовенство раздѣляется на три степени: *гелюнговъ* или жрецовъ первой степени, *гецюлей* или второстепенныхъ жрецовъ и *манжиковъ* или учениковъ вѣры. Нойоны, зайсанги и духовные вносятся въ народныя переписи подушно, а «черные» Калмыки — посемейно, или покибиточно; обыкновенно, кибитку среднимъ числомъ можно, почти навѣрное, принимать въ три души мужскаго и въ три души женскаго пола.

Сдѣлавъ такія оговорки, мы можемъ уже представить слѣдующія, сообщенныя намъ оф-

Официальнымъ путемъ, статистическія данныя за 1850 годъ:

НАЗВАНІЯ УЛУСОВЪ.	ВООБЩЕ ПОЙНОСТЬ.		ЗАЙСАНГОВЪ.	
	мужеск. пола.	женск. пола.	мужеск. пола.	женск. пола.
Багацохуровскій . . .	4	4	143	114
Еркетеневскій . . .	.	.	105	56
Яндыковскій . . .	.	.	113	78
Икицохуровскій . . .	20	16	201	138
Хошоутовскій . . .	4	11	44	44
Малодербетевскій . . .	1	2	636	458
Большедербетевскій . . .	8	12	64	80
Харахусо-Ерденіевскій . . .	1	1	190	125
итого . . .	38	46	1,496	1,083

НАЗВАНІЯ УЛУСОВЪ.	ПРОСТОНА- РОДЬЕ.	ЧИСЛО ХРАМОВЪ		ДУХОВЕНСТВА ВСѢХЪ РАЗГЯДОВЪ.
	число семей.	большихъ,	малыхъ,	число душъ.
Багацохуровскій . . .	1,299	3	5	206
Еркетеневскій . . .	1,655	3	5	215
Яндыковскій . . .	2,000	6	10	411
Икицохуровскій . . .	1,191	1	.	.
Хошоутовскій . . .	1,833	3	5	189
Малодербетевскій . . .	5,043	9	15	667
Большедербетевскій . . .	786	3	3	170
Харахусо - Ерденіев- скій . . .	1,059	3	4	146
У мелкопомѣстныхъ владѣльцевъ . . .	499	(вмѣстѣ съ другими улусами).		

итого 15,068 30 47 2,004

Скота, въ 1851 году, считалось въ Калмыцкихъ улусахъ:

	Верблюды.		Лошади.		Рогатый скотъ.		Бараны.		Козы.	
	Всѣмъ въ улусѣ.	Только у про-стонародья.	Всѣмъ въ улусѣ.	Только у про-стонародья.	Всѣмъ въ улусѣ.	Только у про-стонародья.	Всѣмъ въ улусѣ.	Только у про-стонародья.	Всѣмъ въ улусѣ.	Только у про-стонародья.
Багацохуры	258	178	3,260	1,700	4,050	3,050	28,650	24,200	2,015	1,670
Еркетеневцы	3,169	2,974	3,203	2,563	13,094	10,972	132,427	109,998	8,101	3,126
Яндыки . .	406	359	2,320	2,009	4,063	3,759	7,658	5,929	982	878
Икицохуры .	4,100	3,690	5,200	4,246	7,500	6,853	103,000	96,055	3,400	2,990
Хошоуты . .	542	443	7,363	5,724	3,293	2,469	18,322	14,647	275	275
Малые-Дер-беты . .	7,539	6,269	37,252	27,400	61,607	52,250	157,557	126,022	5,257	5,232
Большие-Дер-беты . .	613	593	5,237	4,568	14,418	13,474	46,465	44,280	1,339	1,323
Харахусо-Ер-денцевцы .	3,926	3,598	5,805	5,296	10,898	10,300	67,737	63,217	1,822	1,815
Мочажные-Калмыки .	35		397		5,460		9,150		785	
Всего около	20,000		70,000		125,000		570,000		24,000	

**Въ предшествовавшемъ 1850 году Калмы-
ки продали скота:**

	верблю-довъ.	лоша-дей.	рогатаго скота.	бара-новъ.	козъ.
въ Багацохуровскомъ улусѣ .	410	229	1,700		
— Еркетеневскомъ —	79	277	6,303	38,084	11
— Яндыковскомъ —		125	450	1,420	
— Икицохуровскомъ —	120	150	1,100	15,001	
— Хошоутовскомъ —	145	437	391	3,559	174
— Малодербетевскомъ —		578	13,900	52,590	
— Большедербетев- скомъ —		147	957	790	

	верблю- довъ.	лоша- дей.	рогатаго скота.	бара- новъ.	козъ.
въ Харахусовскомъ улусъ .	22	420	410	4,200	47
— Мочагахъ.	.	44	305	700	30
продано разноулусликами подъ Астраханью	44	35	274	2,007	189
итого	286	4,993	24,316	424,037	424

Билетовъ и свидѣтельствъ на болѣе- или- менѣе продолжительныя отлучки изъ хотововъ на разныя заработки и на черныя работы на рыбопромышленныхъ заведенiяхъ, въ 1850 году, было выдано:

	биле- товъ.	свидѣ- тельствъ.
по управленiю Багацохуровскаго улуса .	978	465
Еркетеневскаго — .	76	603
Яндыковскаго — .	2,214	39
Икицохуровскаго — .	408	220
Хошоутовскаго — .	4,069	186
Малодербетевскаго — .	4,481	3,238
Большедербетевскаго — .	434	225
Харахусо - Ердениев- скаго	617	845
Мочажными Калмыками .	4,979	44

По особому управленiю, находящемуся подъ Астраханью, на такъ-называемомъ Калмыцкомъ-Базарѣ

3,541

итого. 42,494 5,829

Калмыки подбриваютъ волосы вокругъ всей головы, пальца на два и на три, начиная ото лба и далѣе кругомъ, до затылка; остальные волосы они расчесываютъ на обѣ стороны и

подсѣкають по казачьи. Бороду Калмыки брѣютъ; усы оставляють, но никогда не закручивають. Старика запускають волосы, и сзади заплетаютъ ихъ въ косу. Почти у каждаго Калмыка въ лѣвомъ ухѣ виситъ серьга, на рукѣ — перстень или кольцо.

Шапка Калмыцкая бываетъ изъ желтаго сукна, съ круглой тульей и съ четырехугольнымъ верхомъ, украшеннымъ красною кистью; околыши у шапокъ — бараньи.

Женщины носятъ такія же шапки, но иногда и глазетовыя, и парчевыя, опущенныя дорогимъ мѣхомъ. Волосы они раздѣляютъ на двѣ части, а заплетаютъ ихъ въ двѣ косы, выпускаемыя на передъ черезъ плечи, въ черныхъ и длинныхъ плисовыхъ чахлахъ.

У настоящихъ степняковъ-Калмыковъ, шапки бываютъ стоячія, въ родѣ уланскихъ; щеголи подбриваютъ себѣ волосы почти что на ладонь ширины, а щеголихи притираются румянами и къ коротенькимъ косичкамъ подвязываютъ фальшивыя косы, изъ конскихъ волосъ.

Рубахи у Калмыковъ, обоюго пола, бываютъ очень коротенькія, распашныя и длинной только до пояса шальваръ, которыя носятъ и мужчинами, и женщинами. Мужчины одѣваются въ казачьи, или бешметы, сшитые изъ синей нанки, и опоясываются ремненнымъ поясомъ; въ сырую погоду, осенью, носятъ ергаки, изъ выдѣланныхъ конскихъ шкуръ, а зимой бараньи шкуры и разныхъ мѣховъ шубы, крытыя,

смотря по достатку, болѣе-или-менѣ цѣнными матеріями.

Женщины одѣваются въ ситцевые или шелковые *беишметы*, опоясываются шелковым поясомъ; носятъ также и *терлики*, просторныя платья съ стоячимъ воротникомъ, поверхъ котораго выпускаются длинныя воротнички бѣлой рубахи. Терлики обшиваются позументами и шелковыми лентами, а дѣлаются изъ нанки, ситца, шелка, глазета, парчи или и бархата. Для верховой ѣзды, нѣкоторыя надеваютъ *цегдыкз*, тотъ же терликъ, но безъ рукавовъ, а съ распашными спереди и сзади полами.

Носовые платки — необходимость щеголей обонхъ половъ, точно такъ же, какъ и кольца; но дѣвицы носятъ ихъ на мизинцахъ, а замужнія женщины на безымянныхъ пальцахъ. Дѣвицы косъ на передъ не выпускаютъ, а существеннѣйшее отличие ихъ отъ замужнихъ состоитъ въ томъ, что онѣ носятъ родъ корсетовъ, начиная стягивать грудь съ тѣхъ самыхъ поръ, когда формы начнутъ округляться: условія Калмыцкой скромности требуютъ, чтобъ у дѣвицы на груди никакихъ возвышенностей замѣтно не было.

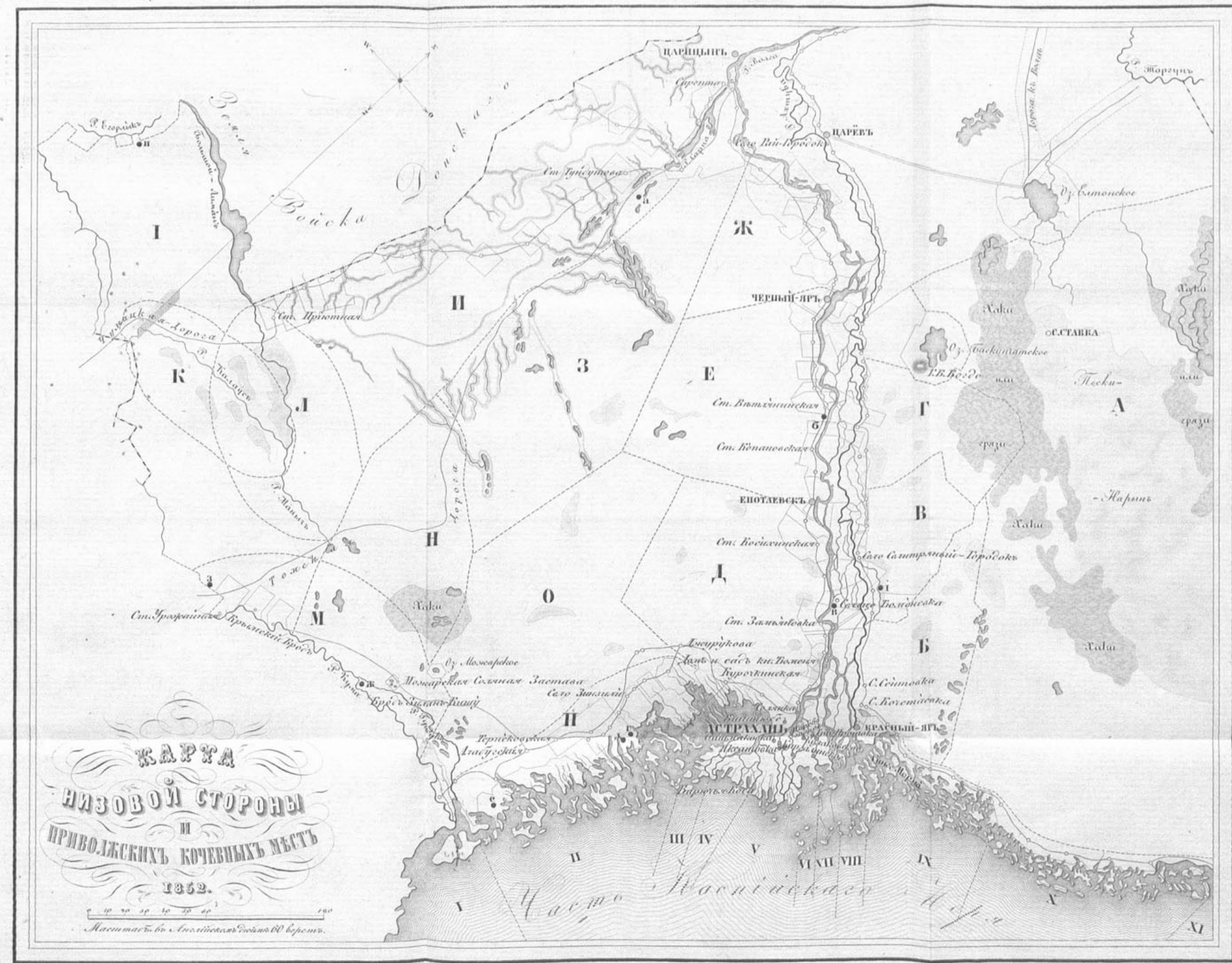
Калмыки обоюго пола пристрастны къ куренію табака: коротенькая трубка-самодѣльщина необходима для каждаго. Калмыки, употребляя въ пищу тѣже самыя кушанья, которыми питаются и сосѣдственныя съ ними мухаммеданскія племена, большіе охотники

и до водки, которой Буддизмъ не запрещаетъ и которая самыми простыми приемами гонится изъ кобыльяго молока. Водка эта, по Калмыцки *арза*, въ-теченіе лѣтнихъ мѣсяцевъ употребляется въ замѣчательномъ количествѣ; зимой, Калмыки пьютъ наше хлѣбное вино. Кромѣ кобыльяго молока, *арзу* гонятъ также изъ овечьяго и даже изъ коровьяго молока. Конину Калмыки ѣдятъ всѣ, кромѣ духовенства: мясо это, точно также какъ и всѣ хмѣльные напитки, въ жертву бурханамъ приносимы быть не могутъ. Калмыки ѣдятъ и дикихъ кабановъ; большіе охотники до свинины, хотя, по кочевому образу жизни, имъ и невозможно разводить свиней; употребляютъ въ пищу и простыхъ степныхъ звѣрковъ; палую лошадь также никто не откажется употребить въ пищу, если окажется, что она пала въ-слѣдствіе такъ-называемой сибирской язвы: болѣзнь эту, по правиламъ ученія Будды, степные Калмыцкіе врачи изъ жрецовъ лечить не дерзаютъ.

- а Визинная ставка Малодеревянского уезда.
- б ————— Багаухуровского.
- в ————— Хошутовского.
- г ————— Андикобского.
- х ————— Карахуровского.
- с ————— Еркменевского.
- ж ————— Мхиухуровского.
- з ————— Ютсильной части Малодеревянского.
- и ————— Толмодеревянского уезда.
- і ————— Аннинская ставка Хошутовского уезда.

РЫБОЛОВНЫЕ ВОДЫ КАСПИЙСКОГО МОРЯ.

- I Черноринскія — Т.г. Воеводскихъ.
- II Черновыя, бывшія Куракинскія, Казенныя.
- III Селеня Водоробского, Т.г. Сапоженикова.
- IV Селеня Водоробского Т.г. Воеводскихъ.
- V Киренныя, Казенныя.
- VI Монастырскія Спасопресображенскаго Монастыря.
- VII Селеня Дмитриевского, Т.г. Сапоженикова.
- VIII Спасоуринскія, Казенныя.
- IX Силеперскія, наследниковъ Графа Безбородко.
- X Воды Князя Ноупова.
- XI Частыя воды, принадлежащія Графскому — Казанскому.

- Приграничныя границы кочевьевъ.
- Караванная дорога по прогону къ рѣкѣ калмыцкаго скота.
- Главная ставка.
- Караванскія подѣлы селенія и станицы.
- Селенія Уртовскихъ — Матавъ.
- Селенія и станицы казачьи и крестьянскія.
- А Внутренняя — Киргузская — Чина.
- Б Кочевье Киргузовъ — Матавъ, тутъ же Астраханскіе — Туркменныя, часть Уртовскихъ — Матавъ и Каракаинскія.
- В Аннинское кочевье Хошутовскаго уезда.
- Г Часть кочья, куда иногда только заходятъ одни Хошуты.
- Д Визинное кочевье Хошутовскаго уезда.
- Е Аннинское и визинное кочевье Багаухуровскаго уезда.
- Ж Аннинское кочевье уездовъ Мхиухуровскаго и Карахуровскаго.
- З Кочевье разношерстныхъ.
- И Аннинское и визинное кочевье Малодеревянскаго уезда.
- І ————— Толмодеревянскаго уезда.
- К Аннинское кочевье Туркменнаго Кавказскаго вѣдомства и Калачево — Диниухуровцевъ.
- Л Аннинское кочевье части Малодеревянскаго уезда.
- М Визинное кочевье Мхиухуровскаго уезда и части уездовъ Толмодеревянскаго и Малодеревянскаго.
- Н Аннинское кочевье уездовъ Еркменевскаго и Мхиухуровскаго.
- О Аннинское и визинное кочевье Андикобскаго уезда, такъ же визинное кочевье уездовъ Еркменевскаго и Карахуровскаго.
- П Въ Моравіяхъ — сѣдлымъ изъ разныхъ уездовъ, такъ же Матавъ Бухарскаго — Уффа, часть Матавъ Уртовскихъ и Туркменнаго Астраханскаго вѣдомства.